

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО. КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343

Бутенко П. Э.

Снятие судимости с лица в период условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: практика против теории. 3

Василенкова В. В.

Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ): проблемы правоприменения. 7

Елфимова П. Е.

Криптовалюта как предмет преступления. 11

Заливохина О. С.

Проблемы уголовной ответственности за каннибализм. 14

Зубцов А. А., Кривцун В. А.

К вопросу о совершенствовании институтов условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в Российской Федерации 18

Кальченко К. В.

К вопросу о понятии порнографии для целей уголовно-правовой охраны общественных отношений 22

Киняева Д. А.

О сне как признаке беспомощности лица при убийстве (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) 25

Коробейников Д. В.

Незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ): проблемы формы вины . . . 29

Ляпин Д. О.

Правомерное применение оружия как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность 33

Маркарян А. А.

Некоторые проблемы квалификации преступлений с двумя формами вины . . . 37

<i>Матвеева М. Д.</i> Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству	40
<i>Неня Б. И.</i> Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность	44
<i>Остибовецкий Д. И.</i> Подстрекатель и исполнитель, обладающий признаками специального субъекта; исполнитель и подстрекатель, обладающий признаками специального субъекта: некоторые вопросы квалификации их соучастия	46
<i>Савицкая Я. Д.</i> Некоторые проблемы применения правил исчисления размера неуплаченных налогов, сборов и взносов в ст. 198 и 199 УК РФ	50
<i>Сайгушев Н. В.</i> Понятие и значение мотивов в уголовном праве	53
<i>Стырин П. С.</i> Уголовная ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138¹ УК РФ)	55
<i>Султабиева А. А.</i> К вопросу о признании преподавателя учебного заведения должностным лицом	58
<i>Черепнова Ю. В.</i> Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния	61
<i>Эткина А. Д.</i> Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159^б УК РФ) как самостоятельная форма хищения	64
<i>Юрловская А. А.</i> Особенности правового регулирования уголовной ответственности за некоторые преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних	67
Кафедра уголовного права РГУП (подготовила С. А. Жигалова)	70
Работа научного студенческого кружка кафедры уголовного права РГУП (подготовила А. Д. Эткина)	73
Обзор совместных «круглых столов» кафедры уголовного права и студенческого научного общества РГУП (подготовила А. Д. Эткина)	75

«Фемида. Science»

Ежеквартальный журнал

Тематика: Научные публикации по вопросам правовой науки и смежных наук

Издается с 2015 года. Зарегистрирован 30.12.2014 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство ЭЛ № ФС 77-60434

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия»

Адрес редакции 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, каб. 305

Рабочая группа:**Координатор:** Лужина О.В.**Ответственный за выпуск:** Семенчева Н.Н.**Верстка:** Грач А. А.**Специалист по инновационным проектам:** Любимова М. Д.**Корректор:** Запылаева Л. А.**Куратор от СНО:** Далгатов М.Р.

СНЯТИЕ СУДИМОСТИ С ЛИЦА В ПЕРИОД УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: ПРАКТИКА ПРОТИВ ТЕОРИИ

Бутенко П.Э.

Российский государственный университет правосудия,
студент 4 курса

В настоящий момент в качестве отдельной актуальной проблемы в области применения судами условно-досрочного освобождения от отбывания наказания можно выделить проблему снятия судимости в период неотбытой части наказания.

Если осужденный вел себя безупречно, а также возместил вред, причиненный преступлением, то по его ходатайству суд может снять с него судимость до истечения срока погашения судимости (ч. 5 ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ))¹.

Данная норма сформулирована законодателем в отношении всех осужденных. В соответствии с указанной нормой каждый осужденный имеет право в случае безупречного поведения и возмещения им вреда, причиненного преступлением (то есть фактически в случае правопослушного поведения, свидетельствующего об отсутствии необходимости в дальнейшем наличия у него судимости), на снятие судимости судом до истечения срока погашения судимости, установленного уголовным законодательством.

Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные Уголовным кодексом, связанные с судимостью (ч. 6 ст. 86 УК РФ). В частности, при совершении нового преступления лицо с погашенной (снятой) судимостью считается совершившим преступление впервые. Следовательно, снятие судимости может рассматриваться в качестве применяемой к осужденному меры поощрения.

Вопрос о снятии судимости в период оставшейся неотбытой части наказания при условно-досрочном освобождении в настоящий момент разрешается не в пользу осужденного. Суды зачастую отказывают осужденным в снятии судимости вследствие того, что, по мнению судов, осужденных в данном случае нельзя считать отбывшими наказание. Так, например, судебная коллегия по уголовным делам Камчатского краевого суда отменила постановление суда о снятии судимости при следующих обстоятельствах.

Г. обратился в суд первой инстанции с ходатайством о досрочном снятии судимости, рассмотрев которое суд удовлетворил его. В кассационном представлении был поставлен вопрос об отмене постановления суда в связи с тем, что 21 мая 2009 года осужденный освобожден условно-досрочно от отбывания наказания на 1 год 3 месяца 3 дня, срок условно-досрочного освобождения истекает 24 августа 2010 года, то есть Г. не отбыл полностью наказание, назначенное по приговору суда от 25 августа 2008 года, в связи с чем снятие с него судимости является преждевременным. Судебная коллегия отменила постановление суда, поскольку по смыслу ст. 86 УК РФ, безусловным основанием для постановки вопроса о досрочном снятии судимости и принятия положительного решения является отбытие назначенного приговором суда наказания. При условно-досрочном освобождении срок, на которое лицо освобождается, считается

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

не отбытым наказанием. Конец срока отбывания наказания Г. — 24 августа 2010 года. Таким образом, как на день обращения с ходатайством в суд, так и на день вынесения по нему судебного решения, Г. нельзя считать лицом, отбывшим наказание, назначенное приговором суда от 25 августа 2008 года, следовательно, в отношении него не могло быть принято решение о досрочном снятии судимости².

Аналогичный отказ в удовлетворении ходатайства о досрочном снятии судимости с условно-досрочно освобожденного также содержится в Постановлении Вилючинского городского суда Камчатского края от 06 апреля 2015 года³.

Таким образом, можно сделать вывод, что условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания считаются отбывшими наказание и имеют право на обращение с ходатайством о снятии судимости только по истечении неотбытой части срока наказания.

Следовательно, снятие судимости в период оставшейся не отбытой части наказания, исходя из действующего уголовного законодательства и сложившейся судебной практики, не предусмотрено.

Если осужденный в установленном законом порядке был досрочно освобожден от отбывания наказания <...>, то срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний (ч. 4 ст. 86 УК РФ).

Неотбытым наказанием следует считать <...> срок, на который осужденный был фактически условно-досрочно освобожден

от дальнейшего отбывания наказания (п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁴).

При этом судимость при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания погашается:

1. в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за преступления небольшой или средней тяжести, — по истечении трех лет после отбытия наказания;

2. в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за тяжкие преступления, — по истечении восьми лет после отбытия наказания;

3. в отношении лиц, осужденных за особо тяжкие преступления, — по истечении десяти лет после отбытия наказания (п. п. «в»–«д» ч. 3 ст. 86 УК РФ).

Стоит отметить, что в научной доктрине неотбытая часть наказания при условно-досрочном освобождении приравнивается к «испытательному сроку»⁵.

При этом снятие судимости в период испытательного срока предусмотрено действующим уголовным законодательством применительно к лицам, осужденным условно. При условном осуждении судимость погашается при истечении испытательного срока, устанавливаемого судом в соответствии с ч. 3 и 31 ст. 73 УК РФ.

Отмена условного осуждения и снятие судимости допускается в случае, если до истечения испытательного срока условно осужденный своим поведением доказал свое исправление, возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда.

² См.: Обзор кассационной практики Камчатского краевого суда по рассмотрению уголовных дел и иных материалов за первое полугодие 2010 года. Определение от 19 января 2010 года. Дело № 22–27/2010 // URL: http://oblsud.kam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2390.

³ См.: Постановление Вилючинского городского суда Камчатского края (материал № 4–17–17/2015) // URL: https://viluchinsky--kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8148876&delo_id=1610001&new=0&text_number=1.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. 2015. 29 декабря.

⁵ См.: Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: Учебник / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рапога. М., 2010. С. 438.

При этом условное осуждение может быть отменено по истечении не менее половины установленного испытательного срока (ч. 1 ст. 74 УК РФ).

Подобный механизм снятия судимости при условно-досрочном освобождении действующим уголовным законодательством Российской Федерации не предусмотрен.

Таким образом, у лица, освобожденного условно-досрочно от отбывания наказания, в период неотбытой части наказания отсутствует право на снятие судимости, предусмотренное ч. 5 ст. 86 УК РФ.

На наш взгляд, данное положение ущемляет права условно-досрочно освобожденного, а также приводит к отсутствию у лица мотивации к правопослушному поведению (а именно к безупречному поведению и возмещению вреда, причиненного преступлением) в период неотбытой части наказания, то есть сразу же после условно-досрочного освобождения.

Проиллюстрируем наличие проблемы снятия судимости в период неотбытой части наказания при условно-досрочном освобождении нижеследующим примером.

Если лицо приговорено к 4 годам 6 месяцам лишения свободы за преступление средней тяжести, освобождено условно-досрочно по отбытии 1/3 срока наказания (п. «а» ч. 3 ст. 79 УК РФ), то есть по отбытии 1 года 6 месяцев лишения свободы, неотбытая часть наказания составит 3 года лишения свободы. При этом срок погашения судимости является также 3 года с момента условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания (п. «в» ч. 3 ст. 86 УК РФ).

В изложенной ситуации лицо фактически лишается права на снятие судимости до наступления срока погашения судимости, то есть в течение 3 лет с момента условно-досрочного освобождения. Таким образом, в течение всех 3 лет неотбытой части наказания у лица отсутствуют дополнительные основания (стимулы) для правопослушного

поведения, так как лицо в любом случае будет считаться не судимым только по истечении трехлетнего срока. Отсутствие возможности снятия судимости, на наш взгляд, негативно сказывается на личности и ущемляет права осужденного.

Характер и содержание устанавливаемых уголовным законом мер должны определяться исходя не только из их обусловленности целями защиты конституционно значимых ценностей, но и из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого эти меры применяются) тому вреду, который был причинен в результате преступных деяний⁶.

При избыточном применении государственного принуждения законодатель обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями⁷.

С учетом сложившейся на сегодняшний день тенденции к гуманизации уголовного законодательства Российской Федерации, считаем целесообразным разрешить имеющуюся изложенную проблему путем внесения соответствующих изменений в действующее уголовное законодательство.

На наш взгляд, необходимо правовое закрепление в действующем уголовном законодательстве соответствующих сроков, по истечении которых допустимо снятие судимости в период неотбытой части наказания при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

На наш взгляд, ч. 5 ст. 86 УК РФ должна быть изложена в следующей редакции:

«5. Если осужденный после отбытия наказания или условно-досрочного освобождения от отбывания наказания вел себя безупречно, а также возместил вред, причиненный преступлением, то по его ходатайству суд может снять с него судимость до истечения срока погашения судимости.»

Также ст. 86 УК РФ необходимо дополнить ч. 51 в следующей редакции:

⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 г. № 4-П // СЗ РФ. 2006. № 18. Ст. 2058.

⁷ См.: Обернихина О. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и обратная сила уголовного закона // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 146.

«51. Суд вправе снять судимость с лица, освобожденного условно-досрочно, только в том случае, если со дня условно-досрочного освобождения прошло не менее половины неотбытой части срока наказания, при этом судимость не может быть снята ранее одного года со дня условно-досрочного освобождения.»

Указанный в предложенной выше норме срок в размере не менее половины неотбытой части срока наказания приведен по аналогии со сроком, предусмотренными ч. 1 ст. 74 УК РФ для отмены условного осуждения и снятия судимости при условном осуждении. В соответствии с ч. 1 ст. 74 УК РФ условное осуждение может быть отменено по истечении не менее половины установленного испытательного срока.

Минимальный срок в размере одного года со дня условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания обусловлен необходимостью установления достоверного факта правопослушного поведения условно-досрочно освобожденного от отбывания наказания. Данный срок в размере одного года представляется минимальным сроком,

необходимым для «испытания» осужденного (по аналогии с испытательным сроком, устанавливаемым при условном осуждении).

При применении предлагаемых норм на приведенном ранее примере лицо, освобожденное условно-досрочно от отбывания наказания, приобретает право снятия судимости уже по истечении 1/3 неотбытой части срока наказания, то есть по истечении 1 года.

В данном случае осужденный имеет дополнительный стимул к правопослушному поведению (безупречному поведению и возмещению вреда, причиненного преступлением), так как есть возможность для получения осужденным поощрения, а именно снятия судимости в период неотбытой части наказания.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что предложенные выше меры совершенствования уголовного законодательства необходимы для изменения в лучшую сторону ситуации с совершением новых преступлений лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, а также для окончательного их исправления и формирования у них правопослушного поведения.

НЕОБОСНОВАННЫЙ ОТКАЗ В ПРИЕМЕ НА РАБОТУ ИЛИ НЕОБОСНОВАННОЕ УВОЛЬНЕНИЕ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ ИЛИ ЖЕНЩИНЫ, ИМЕЮЩЕЙ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ТРЕХ ЛЕТ (СТ. 145 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Василенкова В. В.

Российский государственный университет правосудия,
студентка 1 курса магистратуры

Российская Федерация провозгласила себя социальным государством. Это значит, что Россия приняла на себя обязательства заботиться о своих гражданах и создавать условия для реализации их прав. В первую очередь это касается тех лиц, кто в наибольшей степени нуждается в поддержке со стороны государства. Таковыми, в частности, являются беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет.

В условиях жесткой конкуренции на рынке труда они оказались невостребованными. Учитывая предоставленные им трудовые льготы, связанные с рождением и воспитанием детей, работодателю невыгодно использование женского труда, а потому он делает выбор в пользу другого потенциального сотрудника. Все это обуславливает необходимость совершенствования механизма уголовно-правовой охраны трудовых прав данной категории лиц и повышения эффективности применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины

или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет.

Статистика свидетельствует о тенденции снижения частоты применения ее на практике. Причин тому несколько. Интересующая нас причина уголовно-правового характера связана с технико-юридической дефектностью нормы.

Конструкция нормы позволяет сделать вывод о недостаточной ясности и полноте отдельных признаков состава преступления, сформулированных законодателем. В частности, это касается определения круга потерпевших от преступления. В качестве таковых в тексте закона названы беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет. Безусловно, вопрос о правильном толковании термина «беременная женщина» не стоит, а вот насчет второй категории потерпевших ведется активная дискуссия. Ряд исследователей уголовного права полагают, что к их числу следует относить только матерей¹, другие авторы наряду с матерями включают в круг потерпевших женщин-опекунов и женщин-усыновителей (удочерителей)², третьи придерживаются точки

¹ См.: Бердычевская Н. В. Особенности квалификации и отграничение преступлений против конституционных трудовых прав граждан от смежных составов преступлений и правонарушений // Право и политика. 2008. № 7. С. 1690.

² См.: Качина Н. В. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ): обоснованность криминализации, оптимизация законодательного описания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 13.

зрения о том, что потерпевшими следует признавать не только матерей и женщин, усыновивших (удочеривших) детей или осуществляющих опеку над ними, но и женщин, имеющих приемного ребенка³.

О том, что потерпевшими от преступления в первую очередь являются матери, сомнений не возникает. Относительно опекунов и усыновителей вопрос решается на уровне системного толкования. Для этого достаточно обратиться к текстам Семейного и Трудового кодексов Российской Федерации. Так, в соответствии с п. 1 ст. 137 СК РФ⁴ усыновители по отношению к усыновленным детям приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению, то есть к родным матери и отцу. Что же касается опекунов, то в ст. 264 ТК РФ⁵ разъяснено, что гарантии и льготы, предоставляемые женщинам в связи с материнством, распространяются в том числе и на них. Таким образом, из текста закона очевидно следует, что трудовые права женщин-опекунов и женщин-усыновителей защищены равным образом наряду с правами матерей.

С женщинами, имеющими приемных детей, дело обстоит несколько сложнее. Ученые в области уголовного права отстаивают две противоположные позиции. Так, по мнению Н. В. Качиной, «приемные матери потерпевшими от исследуемого преступления быть не могут», поскольку «их право на труд уже реализовано в рамках договорных отношений с органом опеки и попечительства, и, следовательно, объект преступления в этом случае не страдает»⁶. Н. А. Лопашенко, напротив, включает их в число потерпевших⁷.

На наш взгляд, первая позиция не согласуется с действующим законодательством. Это подтверждает п. 1 ст. 152 СК РФ, в соответствии с которым приемной семьей признается опека или попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем, на срок, указанный в этом договоре. Таким образом, на законодательном уровне практически уравнивается правовое положение опекунов и приемных семей, а это значит, что приемным матерям по аналогии с опекунами должен быть придан статус потерпевших от рассматриваемого преступления.

Из вышеизложенного следует, что потерпевшими от деяния, предусмотренного ст. 145 УК РФ⁸, могут быть признаны беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет, под которыми понимаются матери, женщины-опекуны, женщины-усыновители (удочерители), а также женщины — приёмные родители. Однако, учитывая то обстоятельство, что сотрудники правоприменительных структур затрудняются в определении круга потерпевших, в научных кругах продолжают споры, а практика требует единообразия и системности применения нормы права, представляется целесообразным конкретизировать перечень лиц, объединенных понятием «женщина, имеющая детей в возрасте до трех лет», используя такой прием законодательной техники, как включение в текст статьи примечания во избежание загромождения диспозиции уголовно-правовой нормы.

Решению проблемы редкого применения нормы также может способствовать

³ См.: Лопашенко Н. А. Преступные нарушения трудового законодательства // Трудовое право. 2003. № 4. С. 24–29.

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.

⁶ Качина Н. В. Указ. соч. С. 7.

⁷ См.: Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 28.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

изменение подхода законодателя к проблеме «латентного» потерпевшего, которая заключается в отсутствии желания и времени у беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, принимать участие судебно-следственных тяжбах по привлечению работодателя к уголовной ответственности. Поскольку основная задача женщины на данном жизненном этапе заключается в том, чтобы родить и воспитать здорового ребёнка и достойного члена общества, женщины избирают более короткий и, как показывает практика, более эффективный путь — обжаловать необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение в суд в рамках гражданского процесса, что также негативно сказывается на практике применения уголовно-правовой нормы, но тем не менее не снижает уровень общественной опасности действий работодателя. В связи с этим назревает необходимость перевода ст. 145 УК РФ из категории уголовных дел частно-публичного обвинения в публичное.

Возвращаясь к технико-юридической дефектности нормы, нельзя не отметить ее несовершенство, связанное с наличием таких признаков, как необоснованный отказ в приеме на работу и необоснованное увольнение. Как отмечает М. Ю. Маляр, использование термина «необоснованный» создает пробельность в описании отказа, поскольку «к примеру, отказ в приеме на работу беременной женщины может быть подробно обоснован, но приводимое обоснование не соответствовать закону либо подзаконному акту»⁹.

Действительно, существующая ошибка законодательной техники требует принятия мер к ее устранению. Корректнее было бы говорить не о необоснованности, а о незаконности отказа или увольнения. Тогда можно было бы однозначно определить, что незаконный отказ в приеме на работу и незаконное увольнение — это не что иное, как совершение указанных действий в нарушение требований трудового законодательства, где первое охватывает случаи, предусмотренные

ст. 64 ТК РФ, за исключением случаев отказа, связанных с запретами и ограничениями, установленными федеральными законами (например, когда работодатель отказывает в приеме на работу не в связи с несоответствием деловых качеств кандидата открытой вакансии, а в связи с действием в отношении последнего наказания в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью); а второе — любое увольнение, кроме случаев, предусмотренных ст. 261 ТК РФ, а также случаев увольнения по причине нарушения работником норм трудового законодательства (например, прогула без уважительной причины, совершения аморального проступка и т. д.). Таким образом, для восполнения пробела и снятия неопределенности понимания предлагаем изменить уголовно-правовую норму, заменив признак «необоснованности» на признак «незаконности».

Однако этим пробельность нормы не ограничивается. Не меньшую степень общественной опасности, наряду с отказом и увольнением, представляют распространенные на практике случаи уклонения от приема на работу, когда работодатель не отказывает кандидате, но сознательно тянет время с приемом на работу, полагая, что последней надоест ждать, и она оставит идею трудоустройства у данного работодателя, а также случаи принуждения к увольнению, когда работодатель создает невыносимые для беременной сотрудницы или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, условия труда, вынуждая ее принять решение о расторжении трудового договора по собственному желанию.

Хотя, на первый взгляд, уклонение по существу представляет собой отказ, так как влечет те же правовые последствия — отсутствие положительного ответа работодателя на предложение претендентки заключить с ней трудовой договор, отказ и уклонение все же являются разными правовыми явлениями, не подлежащими смешению. Если отказ — действие, то уклонение — бездействие. Кроме

⁹ Маляр М. Ю. Отказ в уголовном праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2007. С. 19.

того, различия прослеживаются и в моменте окончания преступных деяний¹⁰. Отказ в приеме на работу следует считать окончательным с момента его выражения и доведения до сведения женщины в письменной или устной форме, а уклонение должно быть признано окончательным по истечении 7 дней после завершения проводимых работодателем испытаний (например, собеседований, психологических тестирований, тестирований на определение уровня знаний по замещаемой должности и т. д.) для отбора кандидата на должность в том случае, когда женщина обратилась к работодателю в устной или письменной форме с просьбой довести до нее решение об отказе или о приеме ее на должность (иное противоречило бы ст. 64 ТК РФ).

В действующей редакции ст. 145 УК РФ уклонение от приема на работу и принуждение к увольнению не криминализованы, но тем не менее по степени общественной опасности не уступают отказу или увольнению — в любой из представленных ситуаций женщина остается нетрудоустроенной. Это дает все основания утверждать, что в ст. 145 УК РФ требуется внести дополнения, связанные с криминализацией вышеуказанных деяний работодателя.

Затрудняет применение нормы также указание в ее диспозиции на специальный мотив преступления — нежелание работодателя

иметь на работе женщину по причине ее беременности или в связи с наличием у последней детей в возрасте до трех лет. На практике сложно представить ситуацию, когда о соответствующей мотивации работодатель заявляет открыто. Даже если таковая является истинной причиной отказа или увольнения, она не подлежит оглашению, а в качестве аргументов приводятся иные причины — закрытие вакансии, неправильное составление документов и т. д. Распространена также ситуация с использованием схемы увольнения по сокращению штата, когда по прошествии некоторого времени после прекращения трудовых отношений с негодным сотрудником работодатель вновь восстанавливает сокращенную штатную единицу¹¹.

Указанное усложняет процесс доказывания и ограничивает возможность применения нормы на практике. В связи с этим следует согласиться с современными исследователями, отстаивающими точку зрения о необходимости исключения мотива из числа обязательных признаков состава преступления.

Предложенные нововведения, на наш взгляд, обеспечат более эффективное применение уголовно-правовой нормы, отраженной в ст. 145 УК РФ, и повысят уровень защищенности трудовых прав женщин, нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства.

¹⁰ См.: Маляр М. Ю. Указ. соч. С. 14.

¹¹ См.: Серебренникова А. В. Уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ) // Уголовное право. 2006. № 4. С. 54.

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Елфимова П. Е.

Российский государственный университет правосудия,
студентка 2 курса

В настоящее время в научной литературе весьма актуальным и дискуссионным является вопрос правового положения криптовалют, основанных на технологии «блокчейн», таких как биткойн (BTC), лайткоин (LTC), эфиум (ETH).

12 декабря 2017 года власти Болгарии изъяли у контрабандистов 200 000 BTC, что по нынешнему курсу составляет почти 3,5 млрд. долларов, что составляет около 1,2% от общей капитализации биткойн, 7% от ВВП страны и 18% национального долга¹. Хакеры подкупили сотрудников болгарской таможни и заразили их компьютеры вирусом, который позволил не платить пошлину при ввозе товаров в страну. Сбережения они хранили в биткойнах. После задержания 23 контрабандистов болгарские власти конфисковали 213 519 BTC, что сообщается в пресс-релизе SELEC². Стоит отметить, что формально продажа криптовалют в Болгарии запрещена, в связи с чем, если владелец крупного депозита биткойнов решит их продать, это может обрушить рынок. Но чтобы совершить данное преступное деяние (контрабанду) необходимо, чтобы криптовалюты были предметом совершения преступления. Применительно к Болгарии, например, этот вопрос не стоит столь остро, как в России: там криптовалюты рассматриваются как финансовый инструмент, в то время как в России за ними не закреплен никакой статус, и, следовательно, криптовалютные отношения ничем не урегулированы.

В последнее время эта тема приобретает особенную актуальность, так как сейчас идет массовое распространение криптовалют,

а, значит, будет увеличено количество нарушений, связанных с ними. Каково же правовое положение криптовалюты?

Необходимо оговорить, что этот вопрос касается не только уголовного права в области преступлений против экономики, но и гражданского законодательства. Представляется, что это связано с самой природой криптовалюты: во-первых, это децентрализованная система, что означает невозможность полного её регулирования со стороны государства, а децентрализованный характер хранения записей порождает то, что сведения о наличии на счете криптовалют невозможно продублировать; во-вторых, блокчейн имеет открытый и анонимный характер; в-третьих, технологическое регулирование, которое обеспечивает защищенность и фиксацию некоторых прав, совершение сделок без участия государства, а также без особой документации; в-четвертых, отсутствие обеспеченности (в отличие от денег) и обязательственных отношений между участниками. В-пятых, криптовалюты в полной мере не подпадают ни под один объект гражданского права ввиду своих особенностей.

Следовательно, необходимо придать криптовалютам хоть какой-то официальный статус в целях правового регулирования соответствующих отношений. Вариантами разрешения данной проблемы можно назвать, например, признание за криптовалютами статуса денежных средств, что обусловлено в первую очередь функционалом: с помощью криптовалют «покупаются» различные товары, на основании чего можно говорить о том, что они также являются

¹ См.: <http://www.selec.org/p667/29+May+2017>.

² См.: <https://knife.media/bulgaria-coin/>.

своеобразным особым товаром, эквивалентом в имущественном обороте. Но в данном случае стоит обратить внимание на то, что сущностной чертой денег является то, что они по всей сути относятся к родовым вещам, в то время как криптовалюты нельзя отнести к таковым в виду того, что каждая криптовалюта представляет собой особый набор формул, что делает из нее индивидуально-определенную вещь. Однако, если все же и обеспечить уголовным законом защиту криптовалютных отношений, отождествляя с валютными, то в таком случае нужно будет рассматривать, например, ст. 159.1, 159.2, 172.2, 174, 176, 177, 185.3, 186, 187, 200.1, 200.3, 204, 204.2, 205.1, а также ст. 228, 290 УК РФ как примеры преступлений, предметом в которых могут фигурировать деньги, денежные средства. Можно отметить, что, говоря о данном статусе, нельзя обойти вниманием и иностранную валюту, так как здесь тоже можно увидеть некоторые сходства с криптовалютой. Оговорим, что данный предмет фигурирует, к примеру, в ст. 193 УК РФ. Также криптовалюты предлагается отождествить и с товаром, и с имуществом, и с информацией, однако, на наш взгляд, наиболее корректным будет придание им правового положения, схожего с бездокументарными ценными бумагами. Рассмотрим более подробно этот момент.

Бездокументарными ценными бумагами называют ценные бумаги, существующие не в форме документа на бумажном носителе, а фиксируемые в памяти ЭВМ или иным подобным способом³. Согласно ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» бездокументарная форма эмиссионных ценных бумаг — форма эмиссионных ценных бумаг, при которой владелец устанавливается на основании записи в реестре владельцев ценных бумаг или, в случае депонирования ценных бумаг, на основании записи по счету депо. В Гражданском кодексе РФ отсутствует норма-дефиниция, которая бы содержала данное понятие, но, исходя из смысла ст. 149–149.5 ГК РФ

можно выделить отличительные признаки этого института:

- 1) способ фиксации прав в бездокументарной форме, отражение частных прав;
- 2) подтверждает все виды прав, которые осуществляются в момент по требованию правообладателя;
- 3) права на владение бумагами содержатся в официальном документе, подтверждающем выпуск;
- 4) имеет равные объём и сроки осуществления прав внутри одного выпуска вне зависимости от времени приобретения ценной бумаги;
- 5) подтверждение прав осуществляется без использования бумажной формы;
- 6) ответственным за исполнение является лицо, выпустившее ценную бумагу, а также лица, которые предоставили обеспечение исполнения соответствующего обязательства;
- 7) распространяется эмиссией.

Мы видим, что все то, что касается положений, не связанных с вмешательством государства, отражает сущность криптовалют, то есть дает основание для их отождествления. Это обусловлено децентрализованным характером данного феномена: эмиссией в данном случае можно назвать ICO, но по отношению у криптовалютам участие государственных структур неосуществимо, так как противоречит основополагающим признакам. Положения об обязательствах и иных правовых последствиях, возникающих на основе отношений, связанных с оборотом бездокументарных ценных бумаг, на наш взгляд, основываясь на схожести правовой природы криптовалют и бездокументарных ценных бумаг не будут противоречить этим особенностям. Что же это будет значить для Уголовного кодекса РФ?

Так, криптовалюты в таком случае станут предметом ст. 159, 185, 185.4, 204, 290, 291, 291.1, 291.2, 304, 309 УК РФ, что обеспечит защиту прав граждан не только в экономической сфере, но и в области государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах

³ См.: Кураков Л. П., Кураков В. Л., Кураков А. Л. Экономика и право: Словарь-справочник. М., 2004.

местного самоуправления, а также правосудия. Необходимость этого обусловлена тем, что сейчас весьма активно идет процесс распространения криптовалют, что делает актуальным регулирование этого вопроса не только с точки зрения экономики, но и в иных сферах жизни общества. Относительно места криптовалюты в составе преступления нужно обратить внимание на следующее: несмотря на то, что некоторые источники⁴ высказывают мнение о возможности применения в отношении них категории «орудие», по нашему мнению, более уместным будет придание криптовалютам места предмета совершения преступления, но в таком случае нужно будет внести поправки в само понятие «предмет преступления» по причине того, что им признается элемент *материального* мира, на который осуществляется воздействие в ходе совершения преступления, в то время как криптовалюты не носят

субстанциональный или материальный характер (так же как и бездокументарные ценные бумаги).

Таким образом, несмотря на то, что криптовалюты и связанные с ними отношения носят сложный и неоднозначный характер, выделение для этого феномена отдельного института в гражданском праве не представляется необходимым ввиду наличия достаточно большого количества существенных схожих черт с институтом бездокументарных ценных бумаг, а регулирование в таком ключе позволит с помощью ряда норм уголовного законодательства защитить права граждан в этой сфере, а, учитывая специфику этого явления и рассматриваемого нами наличествующего объекта, также ограничить влияние государства на этот процесс, но обеспечив при этом и распространение действия норм Уголовного кодекса РФ, что уже на данном этапе функционирования этой системы стоит очень остро и актуально.

⁴ См.: <https://www.bfm.ru/news/363821>.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КАННИБАЛИЗМ

Заливохина О. С.

Российский государственный университет правосудия,
студентка 4 курса

Каннибализм с точки зрения биологии представляет собой поедание животными особей своего вида, внутривидовое хищничество¹. Наряду с вышеуказанным понятием применительно к употреблению в пищу людьми человеческой плоти используют термин «антропофагия».

История человечества показывает, что каннибализм был достаточно распространен в древности, прежде всего как средство удовлетворения потребности пищи в период её недостатка; затем антропофагия стала приобретать религиозный и мистический смысл, части человеческого тела использовались также в медицинских целях².

Несмотря на то, что современное общество признаёт каннибализм явлением неприемлемым, случаи антропофагии имеют место и в настоящее время. В качестве примера можно привести ставшее резонансным дело «краснодарских каннибалов», которые признались в убийствах и поедании 30 человек³.

Очевидно, что антропофагия является общественно опасным деянием, посягающим на такой объект уголовно-правовой охраны, как общественная нравственность. Тем не менее, действующий Уголовный кодекс Российской Федерации⁴ (далее — УК РФ) прямо не предусматривает

уголовную ответственность за употребление в пищу частей человеческого организма.

В настоящее время УК РФ содержит несколько составов преступлений, которые могут быть непосредственно связаны с антропофагией. Остановимся более подробно на каждом из них.

Наиболее тяжким из рассматриваемых преступлений является убийство в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего, ответственность за которое предусмотрена п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При этом использование понятий «органы и (или) ткани» при формулировании цели преступления с точки зрения биологии представляется более чем обоснованным, поскольку весь человеческий организм представляет собой систему органов и тканей. Таким образом, цель указанного преступления не ограничивается использованием органов и (или) тканей, пригодных для трансплантации, и, как следствие, невозможности квалификации убийства в целях поедания частей человеческого организма по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Убийство, совершённое в целях использования органов или тканей потерпевшего, является окончанным преступлением с момента наступления общественно опасного последствия — смерти потерпевшего.

¹ См.: Биологический энциклопедический словарь // Словари и энциклопедии на Академике <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/2199> (дата обращения: 03.12.2017 г.)

² См.: Каневский Л. Д. История каннибализма и человеческих жертвоприношений // Электронная библиотека MyBook <<https://mybook.ru/author/lev-kanevskij/istoriya-kannibalizma-i-chelovecheskih-zhertvoprin/read/?page=3>> (дата обращения: 03.12.2017 г.)

³ См.: Из жертв делали заготовки: под Краснодаром поймали семью каннибалов // Новостной портал Московский комсомолец <<http://www.mk.ru/incident/2017/09/25/iz-zhertv-delali-zagotovki-pod-krasnodarom-roymali-semyu-kannibalov.html>> (дата обращения: 10.12.2017 г.)

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

При этом для признания преступления оконченным достижению виновным указанной цели не требуется, достаточно установить сам факт её наличия. Поскольку до момента изъятия органы и ткани являются частью организма потерпевшего, использовать их возможно только после изъятия. При этом видится наиболее целесообразным понимать термин «изъятие» максимально широко, как любое отделение органа и (или) ткани от тела, в том числе путём откусывания частей организма без использования каких-либо специальных инструментов. В связи с этим спорной видится позиция, согласно которой возможны случаи, когда действия по изъятию и использованию частей человеческого организма совпадают⁵. Очевидно, что в приведённом выше примере момент отделения органа и (или) ткани от тела потерпевшего путём откусывания и момент употребления в пищу максимально близки во времени, однако не совпадают полностью. Кроме того, возможна ситуация, когда нарушение физической целостности тела потерпевшего происходило путём откусывания фрагментов его организма, но последние не были употреблены в пищу, а использовались иначе.

Следует отметить, что отделение органов и (или) тканей от организма потерпевшего может производиться как в процессе убийства, так и после него. В первом случае при наличии к тому оснований действия виновного следует дополнительно квалифицировать по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство с особой жестокостью.

В случае изъятия органов и (или) тканей после смерти потерпевшего для правильной квалификации необходимо обращать внимание на момент возникновения умысла виновного на употребление в пищу частей трупа.

Если изъятие частей человеческого организма является промежуточным этапом в реализации умысла виновного на их

использование путём употребления в пищу, то содеянное квалифицируется только по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако если виновный совершает убийство на почве, например, личной неприязни, после чего решает изъять из тела убитого органы и (или) ткани с целью их поедания, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ст. 244 УК РФ.

Следует отметить, что многие представители уголовно-правовой доктрины разделяют точку зрения, согласно которой некрофагия (поедание мёртвого тела) является самостоятельным действием, образующим состав надругательства над телами умерших⁶. Несмотря на то, что указанная форма каннибализма является действием, грубо противоречащим сложившимся в обществе традициям и обычаям отношения к умершему человеку, в том числе допустимым формам его погребения, и посягает на общественную нравственность, что в полной мере согласуется с понятием надругательства, согласиться с вышеуказанной позицией всё же нельзя.

Прежде всего необходимо обратить внимание, что предметом преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, является *тело* умершего. Представляется, что тело — это единый, частично или полностью анатомически целостный физический организм человека. Исходя из этого, употребление в пищу какого-либо отдельного органа или ткани, отделенного от трупа, или иные манипуляции с ними сами по себе ещё не могут считаться надругательством над телом.

В то же время поеданию частей человеческого организма должно предшествовать их отделение от тела умершего, которое, в свою очередь, уже образует состав преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ. Другими словами, изъятие органов и (или) тканей трупа, а также его расчленение, производимые в целях поедания частей человеческого организма, является преступлением.

⁵ См.: Дорогин Д. А. Противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека: Уголовно-правовое исследование. М., 2016. С. 153.

⁶ См.: Исмагилов Р. А., Шарапов Р. Д. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны. М., 2014. С. 54; Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. 2012 (Автор главы — М. В. Талан) // СПС «КонсультантПлюс».

Поскольку употребление в пищу является лишь одной из форм использования органов и (или) тканей человека⁷ и в приводимом примере выступает в качестве цели преступления, уголовная ответственность за данное действие, как и в случае убийства, предусмотренного п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, не предусмотрена.

Кроме того, важно отметить, что и иные (помимо каннибализма) действия по противоправному использованию частей человеческого организма не криминализованы⁸.

Показательным в этой связи является следующий пример из судебной практики.

В., Ч., Ш. были признаны виновными в совершении убийства группой лиц по предварительному сговору. После совершения убийства В. совместно с Ч. по предложению последнего использовать мясо трупа потерпевшего в пищу, а также для продажи, совместно извлекли труп из-под земли и отчленили от трупа нижние конечности. Надругавшись над телом умершего, Ч. и В. употребили часть мяса в пищу совместно с Ш., который осознавал, что ест мясо трупа. Оставшуюся часть мяса подсудимые продали⁹.

В указанном примере суд обоснованно квалифицировал действия Ч. и В. после совершения убийства по п. «а» ч. 2 ст. 244 УК РФ в части расчленения трупа. В то же время действия Ш. как надругательство над телом умершего расценены судом не были. Кроме того, из формулировки, используемой в приговоре, следует, что моментом окончания надругательства над телом умершего суд признал отделение конечностей от трупа. Последующее использование частей трупа — употребление в пищу

и торговля ими — с позиций *de lege lata*¹⁰ не может расцениваться как преступление.

Однако следует отметить, что вопрос о квалификации действий по изъятию органов и (или) тканей и иному нарушению анатомической целостности трупа решается в судебной практике по-разному. Из смысла п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» следует, что глумление над трупом после совершения убийства надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 105 и по ст. 244 УК РФ, предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших¹¹. Тем не менее, встречаются примеры, когда ст. 244 УК РФ судами не применяется, несмотря на наличие всех признаков состава преступления.

Так, Г. и М. после совершения убийства расчленили труп потерпевшей, частично употребили части её тела в пищу, частично упаковали и выбросили на улицу¹². Подсудимые были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в то время как действия, связанные с нарушением целостности трупа, не нашли соответствующей уголовно-правовой оценки.

Таким образом, на сегодняшний день в российском уголовном законе существует целый ряд пробелов, касающихся регламентации уголовной ответственности за противоправное использование органов и (или) тканей человека.

Употребление в пищу частей человеческого организма является одной из наиболее древних форм их использования, но встречается и в настоящее время. Уголовные дела

⁷ См.: Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А. И. Рарога. М., 2009. С. 43, 44 (Автор главы — Т. Г. Понятовская).

⁸ См.: Дорогин Д. А. Указ. соч. С. 169.

⁹ См.: Приговор Пермского краевого суда от 23.06.2010 г. по делу № 2-59-10 // Судебные и нормативные акты РФ <<http://sudact.ru/regular/doc/НОРzсНхсугmT/>> (дата обращения: 10.12.2017 г.).

¹⁰ По действующему закону (лат.).

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февраля.

¹² См.: Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 05.05.2010 г. // Судебные и нормативные акты РФ <<http://sudact.ru/regular/doc/PWHSfHmT0CIT/>> (дата обращения: 10.12.2017 г.).

о преступлениях, связанных с каннибализмом, неизменно и обоснованно вызывают широкий общественный резонанс, что должно поспособствовать привлечению к обозначенной проблеме внимания со стороны законодательных органов. При этом необходимо отметить, что введение в УК РФ самостоятельной нормы об ответственности за антропофагию нецелесообразно. Наиболее рациональным видится закрепление в уголовном законе нормы, предусматривающей ответственность за любое противоправное использование органов и (или) тканей человека. Такой подход, во-первых, позволит ликвидировать сразу несколько пробелов регламентации уголовной ответственности за преступления, связанные с органами и (или) тканями человека, во-вторых, обеспечит выполнение Российской Федерацией ряда международных обязательств, вытекающих из факта подписания ею Конвенции Совета Европы против торговли человеческими органами 2015 г.¹³

Помимо этого, важную проблему составляют разночтения, существующие в судебной практике по делам о преступлениях, совершаемых в целях использования частей человеческого организма. Несмотря на немногочисленность случаев такого

рода посягательств, необходимо сформировать единообразный подход к квалификации убийства в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего и надругательства над телами умерших.

Так, убийство в целях употребления в пищу частей человеческого организма следует квалифицировать по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Убийство без указанной цели с последующим изъятием органов и тканей трупа для их поедания образует совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 244 УК РФ (при отсутствии иных квалифицирующих признаков). Нарушение физической целостности трупа путем изъятия органов и (или) тканей в целях поедания квалифицируется по ст. 244 УК РФ. При этом *de lege ferenda*¹⁴ употребление в пищу частей человеческого организма должно образовывать состав противоправного использования органов и (или) тканей человека и в каждом из рассматриваемых случаев вменяться в совокупность преступлений. Если же лицо осознавало, что употребляет в пищу фрагменты организма человека, но не принимало участия в убийстве и (или) расчленении трупа, то оно должно нести уголовную ответственность только за противоправное использование органов и (или) тканей человека.

¹³ Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами (CETS № 216) (Заключена в г. Сантьяго-де-Компостела 25.03.2015 г.) // Council of Europe <<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016802e79ee>> (дата обращения: 10.12.2017 г.).

¹⁴ По желаемому закону (лат.).

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТОВ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ И ЗАМЕНЫ НЕОТБЫТОЙ ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ МЯГКИМ ВИДОМ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зубцов А. А., Кривцун В. А.

Российский государственный университет правосудия,
студенты 4 курса

«Никто из рабов отнюдь не лишен надежды на то, что если он будет послушен, скромен и подаст добрую надежду на исправление своей жизни в будущем, то он сможет под этими условиями рассчитывать на обратное получение свободы»¹. Содержание приведенной цитаты как нельзя лучше описывает суть поощрительных институтов, содержащихся в действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации, среди которых, пожалуй, центральное место занимают условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Основные цели этих законодательных положений заключаются в минимизации уголовно-правового принуждения, стимулировании лиц, осужденных за преступления, к скорейшему исправлению и социально полезному посткриминальному поведению. Как верно отмечает С. Л. Бабаян, «поощрительные институты относятся к важной разновидности правовых стимулов в уголовно-исполнительном праве и являются средством юридического одобрения добровольного заслуженного и осознанного поведения осужденного»².

Рассматриваемые институты, которые получили свое воплощение и конкретизацию в отраслевом законодательстве, основаны на положениях ч. 3 ст. 50 Конституции РФ³, согласно которым каждому осужденному за преступление гарантируется право просить о помиловании или смягчении наказания.

Анализируя законодательство Российской Федерации, регулирующее условно-досрочное освобождение и замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания, в сравнении с законодательством иностранных государств (в частности, государств-участников Содружества Независимых Государств), можно встретить ряд проблемных вопросов.

Во-первых, существует проблема конкуренции поощрительных институтов, применяемых к осужденным. Как известно, для применения условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания по законодательству большинства государств необходимо наличие двух оснований: материального (степень исправления осужденного) и формального (отбытие определенной части

¹ Мор Т. Утопия. М., 1998. С. 95.

² Бабаян С. Л. Проблемы совершенствования поощрительного института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=4161> (дата обращения: 01.02.2018).

³ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 15.

срока)⁴. Так, сроки, по отбытии которых осужденный может ходатайствовать об условно-досрочном освобождении или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, согласно российскому законодательству являются аналогичными. Разумно скорректировать данные сроки таким образом, чтобы замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания можно было применять до условно-досрочного освобождения, что сыграло бы важную роль в исправлении осужденных и предупреждении совершения новых преступлений в период условно-досрочного освобождения. Именно так эти институты работают в Республике Казахстан, а именно в п. 20 Нормативного Постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 2 октября 2015 года № 6 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и сокращения срока назначенного наказания» разъясняется, что «лица, которым назначенное приговором суда лишение свободы заменено более мягким видом наказания, в дальнейшем на основании статьи 72 Уголовного кодекса Республики Казахстан могут быть освобождены условно-досрочно от отбывания нового более мягкого вида наказания».

Преимущество поэтапного освобождения от наказания состоит в том, что осужденный на пути к условно-досрочному освобождению прошел бы пробацию свободой, в период которой бы смог установить социально полезные связи, найти работу и т. д. К тому же после замены осужденному наказания более мягким видом наказания у него бы сохранялся стимул к полному освобождению от отбывания наказания. Ну и наконец, просто-напросто сохранялся бы смысл наличия института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Речь идет о том, что материальные основания условно-досрочного освобождения и замены неотбытой

части наказания более мягким видом наказания в отечественном уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве также почти идентичны. В таком случае институт замены становится просто-напросто нерабочим, потому что осужденный при конкуренции поощрительных мер стремится именно к условно-досрочному освобождению.

Анализируя уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь, можно установить, что согласно ст. 90 Уголовного кодекса Республики Беларусь⁵ (далее — УК РБ), по общему правилу, условно-досрочное освобождение от наказания может быть применено после фактического отбытия осужденным:

1) не менее половины срока наказания, назначенного судом за преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление;

2) не менее двух третей срока наказания, назначенного судом за тяжкое преступление, а также если ранее лицо осуждалось к лишению свободы за умышленное преступление или ранее условно-досрочно освобождалось от наказания;

3) не менее трех четвертей срока наказания, назначенного судом за особо тяжкое преступление, а также наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся от наказания либо ранее освобождавшемуся от наказания с заменой неотбытой части наказания более мягким наказанием и совершившему новое преступление в течение неотбытой части наказания.

В свою очередь замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания возможна после фактического отбытия осужденным (ст. 91 УК РБ):

1) не менее одной трети срока наказания, назначенного судом за преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление;

2) не менее половины срока наказания, назначенного судом за тяжкое преступление,

⁴ См.: Жуков А. В. Замена наказания в уголовном праве России: Дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 45.

⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-3 // Национальный правовой портал Интернет-портал Республики Беларусь // URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 01.02.2018).

а также если ранее лицо осуждалось к лишению свободы за умышленное преступление либо ранее осуждалось за преступление, совершенное в период отбывания наказания;

3) не менее двух третей срока наказания, назначенного судом за особо тяжкое преступление, а также наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобожденному от наказания либо ранее освобожденному от наказания с заменой неотбытой части наказания более мягким наказанием и совершившему новое преступление в течение неотбытой части наказания.

Таким образом, формальные основания применения условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания отличаются. О замене неотбытой части наказания более мягким видом осужденный вправе ходатайствовать раньше, чем об условно-досрочном освобождении.

Похожая ситуация в Республике Казахстан, однако за тем исключением, что замена неотбытой части наказания применяется только по отношению к осужденным, отбывающим наказание за преступления небольшой, средней тяжести, а также за тяжкие преступления, в то время как не применяется к осужденным за особо тяжкие преступления (ст. 72, 73 Уголовного кодекса Республики Казахстан⁶ (далее — УК РК)). В уголовном законодательстве Украины сроки условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания также скорректированы, что исключает возможность их конкуренции (ст. 81, 82 Уголовного кодекса Украины⁷ (далее — УК Украины)).

Речь в данном случае не идет об исключении возможности самостоятельного (то есть независимо друг от друга) применения рассматриваемых институтов, однако корректировка сроков позволила бы в большинстве

случаев производить поэтапное освобождение осужденного от наказания. Однако в настоящее время в российском законодательстве не исключена ситуация, когда осужденный имеет право на применение к нему одновременно трех поощрительных мер. Так, согласно ст. 58 Уголовного кодекса РФ⁸ (далее — УК РФ) мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбывание наказания назначается в исправительной колонии строгого режима. Исходя из системного толкования ст. 79, 80 УК РФ и ст. 78 Уголовно-исполнительного кодекса РФ⁹, положительно характеризующийся осужденный, отбывающий лишение свободы за особо тяжкое преступление в исправительной колонии строгого режима, по отбытии 2/3 срока наказания имеет право:

1) на перевод из исправительной колонии строгого режима в колонию-поселение (п. «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ);

2) на условно-досрочное освобождение (п. «в» ч. 3 ст. 79 УК РФ);

3) на замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 2 ст. 80 УК РФ).

Во-вторых, для того чтобы замена неотбытой части наказания стала функционировать как некая ступенька к условно-досрочному освобождению, необходимо расширить перечень наказаний, по которым возможно условно-досрочное освобождение.

В Республике Беларусь условно-досрочное освобождение применяется к наказаниям в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы или лишения свободы (ч. 1 ст. 90 УК РБ).

⁶ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=3;—101 (дата обращения: 01.02.2018).

⁷ Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 г. № 2341-III // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109#pos=0;0 (дата обращения: 01.02.2018).

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.

В Казахстане условно-досрочное освобождение применяется лишь в отношении двух видов наказаний: ограничения свободы и лишения свободы. Однако ограничение свободы несколько отличается от аналогичного вида наказания, которое предусмотрено уголовным законодательством Российской Федерации¹⁰. Отличие состоит в том, что осужденные к ограничению свободы, не имеющие постоянного места работы и не занятые на учебе, подлежат привлечению к принудительному труду в местах, определяемых местными исполнительными органами, но не более двухсот сорока часов в год (ст. 44 УК РК). В отношении осужденных к ограничению свободы служба пробации разрабатывает индивидуальную программу, во исполнение которой местные органы, общественные организации и другие организации оказывают осужденным социально-правовую помощь (ст. 63 УИК РК). Поэтому довольно часто лишение свободы в Казахстане заменяется именно ограничением свободы, а к осужденным, отбывающим ограничение свободы, впоследствии применяется условно-досрочное освобождение.

Необходимо обратить внимание, что в Российской Федерации исключения из общих правил относительно сроков условно-досрочного освобождения установлены для осужденных несовершеннолетних, осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которые ранее условно-досрочно освобождались, которым условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, установленным УК РФ. В этой связи стоит заметить, что в законодательстве зарубежных стран существуют особенности, связанные с кругом лиц, к которым условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания не применяются либо в отношении которых установлены сокращенные сроки.

Согласно ч. 8 ст. 72 УК РК условно-досрочное освобождение не применяется к лицу, которому наказание в виде смертной казни заменено лишением свободы в порядке помилования, лицу, осужденному за террористическое или экстремистское преступление, повлекшее гибель людей либо сопряженное с совершением особо тяжкого преступления, лицу, осужденному за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Аналогичное положение установлено для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 2 ст. 73 УК РК) с одним лишь только добавлением, а именно замена вида наказания не производится, если лицо было осуждено за преступление, совершенное в составе преступной группы.

В свою очередь в Республике Беларусь существует поощрительная норма, которая устанавливает сокращенные сроки для отдельных категорий лиц. Так, согласно ч. 3.1 ст. 90 УК РБ к таким лицам относятся инвалиды, женщины и одинокие мужчины, имеющие детей в возрасте до четырнадцати лет, а также лица, достигшие общеустановленного пенсионного возраста. Такой подход согласуется с позицией Конституционного Суда РФ о необходимости «...учета в уголовном законе социальных, возрастных и физиологических особенностей различных категорий лиц в целях обеспечения более полного и эффективного решения задач, которые стоят перед уголовным наказанием в демократическом правовом государстве»¹¹.

Подводя итог, можно отметить, что институты условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания можно и нужно совершенствовать в свете рассмотренных предложений, основанных на анализе законодательства других государств.

¹⁰ См.: Степанов В.В. Проблемы теории и практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 61.

¹¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2007 г. № 937-О-О. Документ опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс».

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПОРНОГРАФИИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кальченко К. В.

Российский государственный университет правосудия,
студентка 4 курса

В век высоких технологий и быстрого доступа к интернету все чаще стали возбуждаться дела по ст. 242 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ) (Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов) и ст. 242¹ УК РФ (Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних). Порнография — довольно часто встречающееся явление в наши дни. Оно распространено не только в России, но и во многих зарубежных странах.

По данным различных исследований от 86 до 98% мужчин и от 56 до 85% женщин вовлечены в потребление порнографической продукции². Но количество осужденных лиц по преступлениям в сфере изготовления и оборота порнографии относительно невелико. В 2015 году число осужденных по вступившим в законную силу приговорам судов Российской Федерации составило по ст. 242 УК РФ — 82, по ст. 242¹ УК РФ — 85, по ст. 242² УК РФ — 5; в 2016 году по ст. 242 УК РФ — 203, по ст. 242¹ УК РФ — 166, по ст. 242² УК РФ — 6; за первое полугодие 2017 года по ст. 242 УК РФ — 78, по ст. 242¹ УК РФ — 92, по ст. 242² УК РФ — 7³.

Порнография является очень древним понятием — даже на стенах пещер первобытных людей были изображены рисунки подобного характера, наравне со сценами охоты на мамонта. Однако по сути порнография — аморальное явление, представляющее опасность для людей, она негативно действует на эстетические чувства и разрушает моральные ценности. Противодействие распространению порнографии осуществляется не только на внутригосударственном, но и на международном уровне на основе конвенций и международных договоров. Самой важной из них является Женевская конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими 1923 г.⁴

Однако ни на международном уровне, ни в российском национальном законодательстве нет общего определения порнографии. Не выработано таковое понятие и судебной практикой. Только в Федеральном законе от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁵ дано расплывчатое понятие информации порнографического характера, под которой понимается информация, представляемая в виде натуралистических изображения или описания половых органов человека и (или) полового

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: Гитин В. Г. Феномен порнографии: опыт неформального исследования. Харьков, 2006. С. 135.

³ См.: Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ <<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>> (дата обращения: 15.01.2018 г.).

⁴ Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими от 12.09.1923 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Отдел второй. Сентябрь 1936 г. № 21. Ст. 179.

⁵ Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного.

Отсутствие в российском законодательстве соответствующих определений обуславливает трудности доказывания по данной категории преступлений и влечет судебные ошибки. В науке российского уголовного права предпринимаются попытки дать определение рассматриваемому понятию, но их нельзя признать в полной мере удачными. Они или неполны, или избыточны оценочными категориями, или включают признаки, допускающие различное толкование.

В частности, А. В. Наумов дает следующее определение порнографическим материалам: «материал или предмет является порнографическим, если он, взятый как целое, направлен на возбуждение похоти (грубо чувственного полового влечения) и если в явной, очевидно циничной, непристойной форме изображает половое влечение человека, и при этом не имеет существенной литературной, художественной или научной ценности»⁶.

Существует и другое мнение. Под порнографическими материалами предлагается понимать «кино- и видеофильмы, печатные издания, изображения, фотографии, т. е. произведение, основным содержанием которых является изображение анатомических или физиологических потребностей сексуальных отношений», а под предметами — «статуэтки, макеты половых органов и т. п.»⁷.

Р. С. Джинджолия определяет порнографию как «описание или изображение половых органов, полового акта, половых

аномалий и изощрений в непристойном виде, осуществленное вопреки нравственным принципам эротического искусства, с нарушением требований научной сексологии и педагогики, способные вызвать извращенное сексуальное чувство»⁸.

О. Ш. Петросян понимает под порнографией «непристойное, грубонаaturalистическое, циничное изображение сексуальной жизни, публично фиксирующее внимание потребителя информации на половых органах персонажей с целью возбуждения грубо-чувствительного полового влечения и удовлетворения половой страсти»⁹.

М. В. Гусарова описывает порнографию как «детальную демонстрацию половых органов либо полового акта, умышленно созданную с целью производства сильного полового возбуждения, не обладающую при этом культурной, научной и исторической ценностью, и являющуюся по своей сути оскорбительной для общественной нравственности»¹⁰.

В международном праве легально существует только лишь понятие «детской порнографии», и закреплено оно в Факультативном Протоколе к Конвенции о правах ребенка, касающемся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25.05.2000 г.¹¹ Под таковой понимается любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка, главным образом в сексуальных целях. Это же определение дублируется в Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. В. Наумова. М., 1996. С. 338.

⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2012. С. 884.

⁸ Джинджолия Р. С. Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов. Сочи, 2001. С. 18.

⁹ Петросян О. Ш. Уголовная ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: Дис... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9.

¹⁰ Гусарова М. В. Незаконный оборот порнографических материалов или предметов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис... канд. юрид. наук. Новгород, 2010. С. 28.

¹¹ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25.05.2000 г. // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 633.

от 25.10.2007 г. (СЕТС № 201) ¹², и очень похожее определение содержится также в Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации от 21.11.2001 г. (ЕТС № 185) ¹³.

Все вышеуказанные определения порнографии оценочны и субъективны и основываются лишь на личных внутренних предположениях. Более обоснованным видится понятие, которое предлагает М. М. Зазирная: «под порнографией понимается представленная в реалистической, детальной форме при отсутствии иной, кроме сексуальной, тематики и какой-либо проблематики, преследующая цель вызвать сексуальное возбуждение у лица, ее воспринимающего, и не преследующая каких-либо иных целей информация:

- о половом сношении, мужеложстве, лесбиянстве, иных действиях сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к участвующему в них лицу или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния лица;
- о половом сношении, мужеложстве, лесбиянстве, иных действиях сексу-

ального характера с несовершеннолетним;

- об иных действиях сексуального характера с телами умерших;
- об иных действиях сексуального характера с животными;
- о половом сношении, мужеложстве, лесбиянстве, иных действиях сексуального характера, сопряженных с осквернением мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением» ¹⁴.

Таким образом, ключевыми признаками порнографии выступают следующие: реалистическая форма (акцент на физиологических аспектах); отсутствие иной тематики, кроме сексуальной, а также проблематики; цель — сексуальное возбуждение.

Последнее из предложенных определений представляется наиболее полным. Если ввести его в действующий УК РФ и закрепить в других нормативных правовых актах, то это облегчит работу правоохранительным органам и судам.

¹² Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (СЕТС № 201) от 25.10.2007 г. // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 632.

¹³ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации от 21.11.2001 г. // Перевод на русский язык предоставлен Аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

¹⁴ Зазирная М. М. Преступления в сфере оборота порнографических материалов и предметов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

О СНЕ КАК ПРИЗНАКЕ БЕСПОМОЩНОСТИ ЛИЦА ПРИ УБИЙСТВЕ (П. «В» Ч. 2 СТ. 105 УК РФ)

Киняева Д. А.

Российский государственный университет правосудия,
студентка 2 курса

Нашим интересом в данной работе является признак беспомощности лица, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии».

Для отечественного уголовного законодательства данный квалифицирующий признак убийства относительно новый: его судебное толкование впервые дано в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Появление его было обусловлено распространенностью общественно опасных деяний, сопряжённых с похищением престарелых и малолетних лиц. Учитывая, что похищенные лица в большинстве случаев находятся в беспомощном состоянии, законодатель ввел в закон данный признак.

Определяя понятие «беспомощное состояние», подавляющее большинство авторов раскрывает его содержание лишь путём указания на категории людей, которые находятся в беспомощном состоянии: малолетних, престарелых, тяжело больных. Анализируемый квалифицирующий признак находится на втором месте из всех квалифицирующих признаков, вызывающих затруднение в применении¹. Это обуславливается в том числе тем, что в уголовном законодательстве РФ он

не получил однозначного толкования. Беспомощное состояние — оценочная категория, и на вопрос, требуется ли официальное толкование понятия «беспомощное состояние», большинство сотрудников правоприменительной сферы (301 человек) ответили утвердительно².

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указано, что к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, относятся тяжелобольные, престарелые, малолетние, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их возможности правильно воспринимать происходящее.

Практикой был также поставлен вопрос: считается ли сон беспомощным состоянием? Верховный Суд РФ дал разъяснение, что сон является жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием человека, не относится к беспомощному состоянию и не может квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ³.

Пленум ВС РФ в указанном выше постановлении от 27 января 1999 г. № 1 определил, что убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, надлежит квалифицировать как «умышленное причинение смерти потерпевшему,

¹ См.: Буликеева Д. Ж. Проблемы применения квалифицирующего признака «иное лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии» // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 17 (308). С. 54–57.

² См.: Козаченко Е. Б. Понятие «беспомощное состояние» в доктринальной, законодательной и правоприменительной трактовках // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 146.

³ См.: Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за первое полугодие 2009 года (Электронный ресурс) // Верховный Суд Российской Федерации.

не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство».

В постановлении от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» под беспомощным состоянием понимаются случаи, когда лицо в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. При этом лицо, совершая изнасилование или насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии» (п. 5).

Состояние опьянения также может быть признано беспомощным состоянием, суды должны исходить из того, что беспомощным состоянием может быть признана лишь такая степень опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, которая лишала это лицо возможности понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному лицу. При этом не имеет значения, было ли потерпевшее лицо приведено в такое состояние виновным или находилось в беспомощном состоянии независимо от его действий (п. 6).

Таким образом, при оценке беспомощного состояния необходимо учитывать не только объективные данные о беспомощности лица, но и субъективные обстоятельства об осознании виновным факта, что потерпевший находится в таком состоянии.

Следовательно, если квалифицировать убийство лица во время его сна как убийство лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии, то необходимо учитывать не только объективное наличие беспомощности, но и осознание её преступником — виновный осознаёт беспомощность состояния жертвы. Беспомощное состояние возникает ещё до факта совершения преступления, его окончания, а субъективный признак осознания объективно существующей беспомощности для преступника является основным признаком.

Если виновный был уверен, что при совершении убийства жертва не находилась в беспомощном состоянии, которая на самом деле была в таком состоянии, то нельзя вменять признак беспомощности, и это деяние должно квалифицироваться как «простое» убийство.

С другой стороны, Ю. Е. Пудовочкин указывает, что если субъект преступления полностью уверен в беспомощном состоянии своей жертвы, но она на самом деле не находилась в таком состоянии, то содеянное надлежит квалифицировать в качестве покушения на убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии, так как в этом случае наличествует юридическая фикция — оконченное преступление квалифицируется как неоконченное⁴.

Таким образом, главным признаком в оценке содеянного является субъективный признак — оценка виновным состояния беспомощности жертвы.

Правоприменители по-разному расценивают сон, то относя его к беспомощному состоянию, то нет.

По приговору ВС Республики Башкортостан мужчина осужден по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ за совершение убийства М., находящегося в беспомощном состоянии. Суд исходил из того, что во время преступления потерпевший находился в беспомощном состоянии, — спал⁵.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). В 2-х т. / Под ред. А. В. Бриллиантова. Т. 1. М., 2015.

⁵ См.: Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за первое полугодие 2009 года (Электронный ресурс) // Верховный Суд Российской Федерации.

Исследователи отмечают, что до принятия Постановления Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» суды относили состояние сна к беспомощному состоянию и квалифицировали по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК как заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (например, убийство спящего путем нанесения ему ударов топором)⁶, но после принятия Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» практика кардинальным образом изменилась на противоположную. Сон потерпевшего перестал признаваться беспомощным состоянием на том основании, что сон — жизненно необходимое и физиологически обусловленное состояние человека⁷.

На наш взгляд, неопределенность вопроса об отнесении сна или неотнесении его к беспомощному состоянию способна в большей своей части разрешить психология.

Эксперты-психологи выделяют такие моменты психически беспомощного состояния жертвы:

1. Непонимание жертвой происходящего.
2. Оценка ситуации как безвыходной и бессмысленной.
3. Выбор неэффективной тактики и стратегии поведения.
4. Отсутствие психологической возможности контролировать своё поведение и поведение преступника, его намерения и дальнейшие действия.

В связи с этим человек в состоянии гипноза относится психологами к беспомощному, так как он является причиной, вызывающей бессознательное состояние. Гипноз — это искусственное временное отключение сознательно-волевой системы одного человека и подчинение ее другому. Состояние загипнотизированного, по одной точке зрения, отличается временным прекращением

психической деятельности. Такого же мнения придерживается Г. К. Костров, относя гипноз к приведению объекта преступления в беспомощное состояние, потому что лицо лишается всякой возможности контролировать свою волю, эмоции и действия.

В то же время судебная практика не признает гипноз квалифицирующим признаком бессознательного состояния⁸. Дискуссия ведется еще со времен Н. С. Таганцева, который относил состояние загипнотизированного к временному потемнению психической деятельности, временному бессознательному состоянию. Эта позиция согласуется с той, согласно которой и сон (как такое же бессознательное состояние) не относится к беспомощному состоянию. Кроме бессознательности для загипнотизированного лица характерно и беспомощное состояние, в силу которого потерпевший по разным причинам не может оказать сопротивление: он может находиться в сознании, но уже не может самостоятельно выйти из состояния гипноза, совершая активные целенаправленные волевые действия или бездействие. Гипноз и сам по себе может стать способом убийства или причинения различного по тяжести вреда здоровью.

Л. А. Андреева считает, что лицами в беспомощном состоянии необходимо считать тех, кто в силу каких-либо физиологических и психических особенностей не может защитить себя, например, в силу возраста (малолетство, старость). Помимо этого она считает необходимым отнести к категории «бессознательное состояние» сон, сильное опьянение и положение тела (связанный человек)⁹.

Этой же позиции придерживаются Э. Ф. Побегайло, А. И. Рарог, В. В. Ераксин, относящие к лицам в бессознательном состоянии больных, престарелых, малолетних, спящих. Виновный, по их мнению, осознает, что жертва находится в беспомощном состоянии, и совершает убийство.

⁶ См.: Варданян А. В., Безручко Е. В. К вопросу о неоднозначной оценке беспомощного состояния в практике ВС РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 12. С. 9.

⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 5. С. 12; 2000. № 9. С. 22; 2001. № 9. С. 17; 2002. № 9. С. 20, 21.

⁸ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Тула, 2001. Т. 1. С. 389.

⁹ См.: Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб, 2003. С. 266.

Есть также другая группа авторов с иной позицией. К примеру, С. Дементьев утверждает: «Устанавливая ответственность за убийство лица, заведомо находящегося в бессознательном состоянии, законодатель имел в виду, что в таком случае потерпевшему причиняются дополнительные, особые страдания. Он сознает, что его сейчас или вскоре убьют, но в силу своего физического состояния не может ни оказать сопротивления, ни позвать на помощь. Это состояние заведомо понимает убийца, значит, действует более цинично и нагло, нежели тот, который, как говорится, убивает «из-за угла».

По нашему мнению, для решения данного вопроса необходимо за основу взять именно субъективно-объективный критерий, который (повторимся), как нам представляется, очень удачно сформулирован в п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: «по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего

или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать как умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство».

Из данного положения следует, что если человек находится в состоянии сна (глубокого, безмятежного) (а это физическое и психологическое состояние, при котором невозможно защитить себя) и виновный осознает это, убивая его, то налицо убийство беспомощного лица.

Об особых страданиях жертвы, которые, вероятно, лежали в основе установления повышенной ответственности, Пленум ничего не говорит. Следовательно, необходимо так и подходить к решению данного вопроса, который согласуется также с положениями психологии.

НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО (СТ. 171 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ ФОРМЫ ВИНЫ

Коробейников Д. В.

Российский государственный университет правосудия,
студент 1 курса магистратуры

В современных условиях глобализации большинство государств активно ведут политику расширения своих экономических связей, направленную в первую очередь на увеличение своих так называемых неналоговых источников пополнения бюджета, а вследствие чего и на улучшение уровня жизни своих граждан. Становление и развитие предпринимательства внутри государства является необходимостью, поскольку именно оно служит первоочередной базой для проведения такой политики. При этом следует понимать, что социально полезными могут быть результаты лишь от предпринимательства, реализующегося в рамках закона, потому как именно оно способствует не только формированию устойчивого благосостояния отдельно взятых людей, но и в целом снижению бедности и смертности, формированию в обществе среднего класса, повышению инвестиционной привлекательности для иностранных контрагентов.

С учетом того, что в современном мире участились случаи, когда предприниматели просто не регистрируют свою деятельность по самым разным причинам, начиная от незнания, заканчивая нежеланием тратить деньги¹, актуальной проблемой является совершенствование законодательства в этой сфере, включая и ее уголовно-правовую охрану.

Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство установлена в ст. 171

УК РФ². Под ним понимается предпринимательская деятельность (понятие которой закреплено в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ³), осуществляемая без государственной регистрации. В современных публикациях поднимается вопрос о несовершенстве действующего уголовного законодательства об ответственности за экономические преступления, в том числе и за незаконное предпринимательство. В частности, Я. Е. Иванова пишет, что «со времени криминализации незаконного предпринимательства прошло более полутора десятилетий. Накоплен большой опыт применения данной нормы, изучены возможности и последствия ее применения, стабилизировались экономические отношения, организованные на началах регулируемого рынка. В новых условиях обоснованность действующей нормы о незаконном предпринимательстве вызывает серьезные сомнения в контексте адекватности санкции опасности деяния и социально оправданной ценностной ориентации уголовной политики, определяющей пределы государственного вмешательства в экономику»⁴.

Представляется, что данная норма требует определенных теоретических доработок, которые найдут прямое отражение при дальнейшем применении данной нормы на практике и позволят наиболее эффективно использовать такой инструмент государственного регулирования, как уголовно-правовой запрет.

¹ См.: Лепинь К. Понятие предпринимательской деятельности и незаконного предпринимательства // Административное право. 2016. № 4. С. 21, 25.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ Иванова Я. Е. Незаконное предпринимательство: социальная обусловленность уголовно-правового запрета. М., 2011. С. 24, 25.

В частности, немаловажным является вопрос установления субъективной стороны данного преступления, поскольку, во-первых, согласно ст. 8 УК РФ она является частью основания уголовной ответственности, во-вторых, правильное установление субъективной стороны преступления позволяет правоприменителю отграничить преступные деяния от непроступных, в-третьих, субъективная сторона необходима для соблюдения принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ, в части индивидуализации наказания, и в-четвертых, субъективная сторона позволяет разграничить между собой преступления, которые сходны по объективным признакам.

В отдельных случаях законодатель прямо указывает форму вины непосредственно в статьях Особенной части УК РФ. Так, для ч. 1 ст. 105 УК РФ предусмотрено только умышленное, а для ч. 1 ст. 109 УК РФ — только неосторожное отношение к общественно опасным последствиям в виде смерти человека. Но когда такое указание отсутствует, вопрос об установлении позиции законодателя приобретает важное практическое значение⁵.

В статье 171 УК РФ закреплено, что уголовная ответственность за незаконное предпринимательство наступает, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. В статье 24 УК РФ указано, что деяние может быть совершено умышленно или по неосторожности. При этом деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. То есть когда в статье специально не предусмотрено указание на неосторожную форму вины, деяние будет считаться преступлением в случае его совершения «не только по неосторожности», а значит, и в случае его совершения

по неосторожности, и в случае его умышленного совершения⁶.

Существует позиция, согласно которой состав данного преступления является формально-материальным⁷. Каких-либо специальных указаний на форму вины законодатель не сделал, а, следовательно, теоретически субъективная сторона, например, при материальном составе данного преступления может быть выражена во всех установленных законом формах и видах вины. То есть лицо, осуществляя незаконное предпринимательство, могло предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде крупного ущерба и желать их наступления, либо не желать, но сознательно допускать их или относиться к ним безразлично. Также оно могло предвидеть возможность наступления данных последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывать на их предотвращение, или могло не предвидеть, но при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

Однако такой теоретический подход едва ли можно признать правильным. При определении формы вины в незаконном предпринимательстве как теоретики, так и практики высказывают точки зрения, которые по своему содержанию не только не едины, но зачастую взаимоисключают друг друга. Например, С. А. Плотников полагает, что незаконное предпринимательство может быть совершено только умышленно⁸, при этом умысел может быть как прямым, так и косвенным. Для того чтобы установить конкретный вид умысла, необходимо выяснить, что именно было совершено лицом: извлечен доход в крупном размере или причинен крупный ущерб гражданам, организациям, государству. «В первом случае речь может идти только о прямом умысле. Виновный

⁵ См.: Пудовочкин Ю. Е., Дорогин Д. А. Учение о преступлении и о составе преступления. М., 2017. С. 93.

⁶ См.: Там же. С. 94.

⁷ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015. С. 536.

⁸ См.: Плотников С. А. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 19.

осознает, что он осуществляет незаконную предпринимательскую деятельность, и желает совершить подобные действия. При причинении же крупного ущерба гражданам, организациям или государству имеет место как прямой, так и косвенный умысел. Виновный осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность причинения крупного ущерба и желает его причинения или относится к нему безразлично»⁹.

Противоположной точки зрения придерживается И. А. Клепицкий. По его мнению, «зарубежный опыт показывает, что эффективная борьба с хозяйственной преступностью невозможна иначе как путем установления жестких требований к предпринимателям и хозяйственным руководителям, с тем чтобы они, осуществляя деятельность в сфере народного хозяйства, уважали права и законные интересы других участников рынка, потребителей и общества в целом»¹⁰. То есть автор выступает за то, чтобы усилить борьбу с так называемой хозяйственной преступностью путем расширения числа неосторожных преступлений в данной сфере.

Другим сторонником возможности совершения незаконного предпринимательства с неосторожной формой вины выступает Т. Д. Устинова, по мнению которой лицо, осуществляя деяние, предусмотренное ст. 171 УК РФ, полностью осознает неправомерность своих действий (бездействий) и предвидит, что не соблюдение установленных правил, особенно лицензирования и его условий, может привести к причинению ущерба как его контрагентам, так и отдельным потребителям товаров, услуг, но без достаточных к тому оснований, самонадеянно рассчитывает на предотвращение таких последствий, либо не предвидит, но при необходимой внимательности и предусмотрительности должно и могло было это предвидеть¹¹.

⁹ Там же.

¹⁰ Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 62, 63.

¹¹ См.: Устинова Т. Д. Уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую и банковскую деятельность // Законность. 1999. № 7. С. 41–44.

Представляется, что позиции, признающие возможность наличия неосторожности при незаконном предпринимательстве, являются недостаточно обоснованными.

Во-первых, внесение уточнения в части неосторожности незаконного предпринимательства на законодательном уровне является едва ли оправданным с точки зрения нынешней уголовной политики в отношении экономических преступлений в целом, иначе это можно рассматривать как необоснованное ужесточение уголовной репрессии. Утверждения о том, что может иметь место преступная небрежность, не учитывают сущности предпринимательской деятельности, которая *a priori* заключается в рискованности, то есть предполагается, что лицо, решившее заняться предпринимательством, должно осознавать возможность причинения ущерба вследствие форс-мажорных обстоятельств, не связанных с его волей. Примером могут служить экономические кризисы конца 90-х г. XX в. и середины первых двух десятилетий XXI в.

Во-вторых, говоря о наличии преступного легкомыслия в данном составе, следует также понимать, что предпринимательская деятельность не зависит лишь от лица, ею занимающегося, а находится в зависимости от различных рыночных факторов, политики государств и иных обстоятельств, поэтому рассчитывать только на свои силы здесь нельзя.

Более обоснованной видится позиция, согласно которой незаконное предпринимательство может совершаться исключительно с умышленной формой вины. Но спорным остается вопрос об установлении разновидности умысла при совершении незаконного предпринимательства. Так, Л. С. Аистова считает, что причинение крупного ущерба в форме прямого умысла здесь исключается, иначе речь должна была бы идти о составе иного преступления, например, мошенничества, то есть ущерб причиняется в виде

незаконного противоправного завладения чужим имуществом путем обмана. Такой же позиции придерживается и С. А. Плотников.

Существует позиция, согласно которой в преступлениях в сфере экономической деятельности, в частности, в незаконном предпринимательстве, возможен только прямой умысел. Г. А. Есаков отмечает: «Вид умысла <...> определяется волевым отношением не к этому признаку (крупному ущербу), который предназначен всего лишь для отграничения преступления от иных правонарушений, <...> а к действиям, характеризующим объективную сторону соответствующих преступлений и в концентрированном виде выражающим их общественную опасность. <...> В случаях, когда последствие отграничивает преступление от иных правонарушений либо дифференцирует ответственность, умысел должен признаваться прямым, если он был направлен на совершение заведомо незаконных действий (бездействия)»¹².

Видится, что обе представленные позиции небезосновательны и подкреплены соответствующими аргументами, но, подводя итог по этому вопросу, хотелось бы выделить следующее: когда извлекается доход

в крупном размере, трудно говорить о какой-либо иной форме вины, кроме как о прямом умысле, поскольку в этом случае лицо, совершая незаконное предпринимательство, и осознавало общественную опасность своего поведения, и желало наступления соответствующего результата, в противном случае оно просто бы не стало заниматься данной деятельностью.

В вопросе о разновидности умысла в случаях, когда причиняется ущерб, уместным будет также аргумент о том, что данный ущерб может быть причинен и не по воле «незаконного предпринимателя», а вследствие иных социально-экономических факторов, действие которых никак не зависит от статуса регистрации лица или наличия (отсутствия) у него лицензии. Отсюда вытекает, что наиболее точным будет тезис, высказанный Г. А. Есаковым: «умысел может быть только прямым, сводясь к осознанию общественной опасности совершаемого действия (бездействия) и желанию его совершения; возможность же наступления предусмотренного законом последствия должна всего лишь осознаваться (предвидеться) виновным как неисключенная вне аспекта желания (нежелания) его наступления»¹³.

¹² Есаков Г. А. Вина в преступлениях в сфере экономической деятельности (о некоторых проблемах) // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт. Материалы III совместного российско-германского «круглого стола». М., 2012. С. 57.

¹³ Там же. С. 59.

ПРАВОМЕРНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ОРУЖИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Ляпин Д. О.

Российский государственный университет правосудия,
студент 1 курса магистратуры

Нормы некоторых институтов уголовного права находят свое отражение не только в УК РФ¹, но и в ряде иных нормативных правовых актов регулятивного законодательства². Наиболее ярко иллюстрирует данный тезис институт обстоятельств, исключающих уголовную ответственность. Это связано с тем, что «социальная реальность демонстрирует немало примеров ситуаций, правомерность действий в которых не регламентируется в тексте уголовного закона, но четко фиксируется в актах иной отраслевой принадлежности»³. Такое положение дел обуславливает наличие случаев, в которых определенные действия являются противоправными с точки зрения уголовного закона, но дозволительными, а иногда и обязательными,

в соответствии с предписаниями регулятивного законодательства. В связи с этим в доктрине уголовного права выделяется такое обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, как исполнение закона⁴, которое в самом общем виде распространяется на все подобные ситуации.

Частным случаем исполнения закона является правомерное применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия⁵. Думается, что таковое следует рассматривать как самостоятельное обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, поскольку оно, с одной стороны, предусмотрено широким кругом нормативных правовых актов⁶ и, с другой, обладает конкретными условиями правомерности (как общими для всех случаев правомерного

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: Дорогин Д. А. Межотраслевые связи уголовного закона с нормативными правовыми актами регулятивного законодательства (на примере обстоятельств, исключающих уголовную ответственность) // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: Сборник работ участников V Международной заочной научно-практической конференции аспирантов и молодых ученых. М., 2013. С. 225.

³ См.: Дорогин Д. А. Соотношение норм уголовного закона и актов иной отраслевой принадлежности по вопросу исключения уголовной ответственности // Межсистемные и межотраслевые связи в правовой сфере: Материалы VIII Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, том 2, 22–23 ноября 2013 г. Казань, 2013. С. 116.

⁴ См.: Мордовина А. А. Осуществление законного права как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 59.

⁵ См.: Дорогин Д. А. Соотношение норм уголовного закона... С. 120.

⁶ См., напр.: ст. 18 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»; ст. 18 Федерального закона от 03.07.2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»; ст. 16 Закона РФ от 11.03.1992 г. № 2487–1 «О частной детективной и охранной деятельности»; ст. 43 Федерального закона от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; ст. 35 и 36 Закона РФ от 01.04.1993 г. № 4730–1 «О Государственной границе РФ»; ст. 15 Федерального закона от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах»; ст. 28 Закона РФ от 21.07.1993 г. № 5473–1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; ст. 13 Федерального закона от 14.04.1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране».

применения оружия, так и специфическими, характерными для отдельных его разновидностей). В свою очередь, в этом контексте исполнение закона является абстрактным собирательным понятием, включающим всю совокупность конкретных ситуаций, не содержащихся в УК РФ, в которых наступление уголовной ответственности в силу предписаний различных нормативно-правовых актов невозможно.

О самостоятельности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия как обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, говорит формулировка, содержащаяся в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»⁷, согласно которому сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы. Из этого положения следует, что Верховный Суд РФ, указывая на наличие собственных условий правомерности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (указанных в конкретных нормативных правовых актах), отграничивает его от рассматриваемых в данном постановлении обстоятельств, исключающих преступность деяния, — необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление.

Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия предусмотрено в регулятивном законодательстве в качестве единого обстоятельства, исключающего уголовную ответственность. Однако следует отметить, что его автономность обусловлена предоставлением права именно на применение огнестрельного оружия, поскольку только в этом случае условия правомерности рассматриваемого обстоятельства выходят за рамки условий правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, содержащихся в УК РФ.

Закон, предоставляющий право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, обязательно содержит ряд норм, устанавливающих условия его правомерности. Например, в соответствии с ч. 3 ст. 19 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁸ сотрудник полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия должен учитывать специфику создавшейся обстановки, характер и степень опасности лиц, в отношении которых такое применение осуществляется, характер и силу оказываемого ими сопротивления, а также стремиться к минимизации любого ущерба.

Думается, что содержащиеся в этой норме условия правомерности применения физической силы и специальных средств никаким образом не выходят за рамки условий правомерности закреплённых в УК РФ обстоятельств, исключающих преступность деяния. Применение физической силы или специальных средств является управляемым актом поведения с максимально предсказуемыми последствиями, что позволяет сотруднику полиции в соответствии с требованиями закона соизмерять характер и степень опасности лиц, в отношении которых применяются физическая сила и специальные средства, и причиняемый им вред.

Что же касается применения огнестрельного оружия, то оно по своей сути является

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

⁸ Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

крайне опасным для человека, несет в себе наиболее разрушительные последствия. Ситуации, в которых субъект получает право на применение оружия, носят экстремальный характер, а само применение осуществляется в динамике. В таких условиях очевидно, что субъект в значительной степени теряет контроль за возможными последствиями выстрела. Более того, угрозу жизни лица, в отношении которого оружие применяется, может составить огнестрельное ранение, казалось бы, по своей локализации не затрагивающее жизненно важные органы и системы человека (например, выстрел в ягодицу⁹). Таким образом, закон, когда предоставляет формальное право на применение оружия, автоматически ставит в опасность жизнь и здоровье лица, в отношении которого оно применяется. Из этого следует, что соответствие применения оружия условиям правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, можно рассматривать исключительно в контексте конкретных ситуаций, в которых закон такие действия допускает.

Нормативный правовой акт, предоставляющий право на применение оружия, всегда содержит исчерпывающий перечень случаев, в которых таковое возможно. Анализ предоставляемых различными законами оснований применения оружия показывает, что в целом ряде ситуаций основания и порядок его применения не соответствует условиям правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Такой вывод можно проиллюстрировать конкретным примером. Так, п. 7 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции» предусматривает право применения сотрудником полиции огнестрельного оружия, в частности, для пресечения побега из-под конвоя лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений из мест содержания под стражей.

В данной законодательной формулировке отсутствует указание на категорию преступлений, в совершении которых лицо подозревается или обвиняется. В то же время ч. 1 ст. 91 УПК РФ¹⁰ предоставляет право на задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Следовательно, это может быть преступление даже небольшой тяжести.

Также следует отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ, заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, а в исключительных случаях — и до 3 лет, то есть при совершении преступлений любой категории.

Из этого следует, что Федеральный закон «О полиции» допускает применение сотрудником полиции огнестрельного оружия в целях пресечения совершения лицом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 313 УК РФ (побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, являющегося преступлением средней тяжести), при условии, что до этого этим лицом было совершено преступление небольшой тяжести, которые при этом никаким образом на жизнь и здоровье кого-либо не посягали.

Ситуация побега отвечает признакам экстремальности, а применение оружия при таких обстоятельствах чаще всего будет осуществляться в динамике. В этом случае даже если сотрудник полиции пытается минимизировать вред, который может быть причинен выстрелом, стараясь не попасть в жизненно важные части тела, применение огнестрельного оружия ставит под угрозу жизнь лица, в отношении которого применяется оружие. Из этого следует, что в соответствии с Федеральным законом

⁹ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 10.05.2012 г. по делу «Путинцева (Putintseva) против Российской Федерации» (Жалоба № 33498/04) // Бюллетень ЕСПЧ. 2013. № 5.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

«О полиции» действия сотрудника, производящего выстрел для пресечения побега, и их возможные последствия (в виде причинения смерти или тяжкого вреда здоровью) не могут являться преступными, при условии, что сотрудник полиции не осуществляет злоупотребление своим правом и предпринимает все возможные меры для минимизации ущерба.

Однако при этом не имеется никаких оснований для вывода о невозможности наступления уголовной ответственности в соответствии с УК РФ. С точки зрения уголовного закона данную ситуацию следует рассматривать в плоскости необходимой обороны, поскольку право на применение оружия предоставляется в условиях наличного посягательства на охраняемые уголовным законом интересы. В анализируемом примере лицо, совершая побег, насилие, опасное для жизни, ни к кому не применяет. Следовательно, действия сотрудника полиции, осуществившего выстрел, будут правомерными, если они соответствовали

характеру и опасности посягательства. Но при совершении побега имеет место посягательство на интересы правосудия, в то время как при применении оружия ставится под угрозу жизнь, причиняется вред здоровью лица, в отношении которого оружие применяется. Получается, что действия сотрудника полиции явно не соответствуют характеру и опасности посягательства, а значит, превышают пределы необходимой обороны.

Рассмотренный пример в полной мере иллюстрирует самостоятельность применения оружия как обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, поскольку демонстрирует наличие ситуации, при которой действие по применению оружия является одновременно правомерным с точки зрения закона, который такое право предоставляет, и противоправным в соответствии с нормами УК РФ, так как условия правомерности применения оружия не охватываются ни одним из предусмотренных гл. 8 УК РФ обстоятельств, исключающих преступность деяния.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ДВУМЯ ФОРМАМИ ВИНЫ

Маркарян А. А.

Российский государственный университет правосудия,
студент 4 курса

Статья 5 УК РФ¹ устанавливает, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Исходя из положения данной нормы, в уголовном праве России действует принцип субъективного вменения. Однако при реализации данного принципа правоприменитель сталкивается с рядом проблем. Один из наиболее острых правовых вопросов возникает при квалификации преступлений с двумя формами вины.

Институт преступлений с двумя формами вины, нашедший свое юридическое закрепление в ст. 27 УК РФ, был сформирован еще в советский период развития уголовного права. Следует отметить, что перед введением такой конструкции велись многочисленные научные дискуссии. Несмотря на законодательную основу, существует мнение, что такие термины, как «двойная» или «сложная» форма вины не могут являться юридически верными. Стоит также сказать, что свое легальное закрепление понятия преступления с двумя формами вины получили не только в России, но и в некоторых других странах, например, в Германии, Польше, Венгрии и в ряде стран СНГ.

На сегодняшний день можно выделить 45 составов преступлений с двумя формами вины, закрепленных в УК РФ. Т. С. Коваленко классифицирует эти преступления

на три группы. К первой она относит составы, объединенные признаком физического насилия. Во вторую группу составов входят преступления, характеризующиеся такими свойствами, как способность уничтожать, повреждать материальные объекты, системы и т. д. Относительно третьей группы выделяется признак нарушения нормативных правил, повлекшего общественно опасные последствия².

В связи со сложной структурой преступлений с двумя формами вины при квалификации таких общественно опасных деяний возникает ряд проблем. Одной из них является вопрос о возможности соучастия в преступлениях с двумя формами вины, поскольку согласно ст. 32 УК РФ соучастие возможно лишь в умышленном преступлении. В судебной практике выработаны соответствующие подходы к решению данной проблемы. Так, Нижнеудинским городским судом было установлено, что подсудимые Н. и К. группой лиц умышленно причинили тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, повлекший по неосторожности смерть потерпевшего³. Суды, учитывая специфику такого преступления, основывают свое мнение на ст. 27 УК РФ, в которой установлено, что в целом такие преступления признаются умышленными, следовательно, соучастие в них возможно.

Следующей проблемой квалификации преступлений с двумя формами вины является вопрос о возможности приготовления

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: Коваленко Т. С. Принцип субъективного вменения и проблемы его реализации в преступлениях с двумя формами вины: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

³ См.: Приговор № 1-135/2015 1-4/2016 от 1 апреля 2016 г. по делу № 1-135/2015.

или покушения на такое общественно опасное деяние. Исходя из ст. 30 УК РФ, основным критерием неоконченного преступления является то, что преступление не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам. Иными словами, общественно опасные последствия не наступили, однако виновное лицо желало их наступления. В преступлениях с двумя формами вины отношение виновного к последствиям (единственным или квалифицированным) характеризуется не умыслом, а неосторожностью. Следовательно, говорить о покушении или приготовлении к такому преступлению невозможно, так как «нельзя стремиться к достижению неосторожного последствия»⁴.

В то же время судебная практика занимает противоположную позицию. Классическим примером является следующее дело. Так, несовершеннолетняя Ж., выходя из подъезда дома, где была в гостях, увидела группу девушек, убежавших от пьяных ребят, среди которых был Ф. В это время к Ж. подошел ее знакомый и, обещая защитить ее от этих ребят, предложил подняться на балкон, расположенный между восьмым и девятым этажами. Там же оказались Ф. и не установленные следствием лица. Ф. стал требовать от Ж. совершения с ним полового акта, начал срывать с нее одежду. Потерпевшая, осознавая неотвратимость группового изнасилования и пытаясь спастись, влезла на окно декоративной решетки балкона, но не удержалась, упала на асфальт и разбилась насмерть. Верховным судом Республики Мордовия Ф. осужден по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ⁵.

В ряде преступлений с двумя формами вины законодатель предусмотрел такой оценочный признак, как иные тяжкие последствия. Проблема, возникающая из-за этой формулировки, заключается в том, что легального понимания «иных тяжких последствий» не существует, а в постановлениях

Пленума Верховного Суда РФ либо вообще не разъясняется, что они собой представляют, либо даётся примерное толкование данного термина, оставляющее перечень тяжких последствий открытым. Так, в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»⁶ установлено, что к иным тяжким последствиям изнасилования или насильственных действий сексуального характера, предусмотренным п. «б» ч. 3 ст. 131 и п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ, следует относить, в частности, самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего лица, беременность потерпевшей и т. п. Отсутствие единого легального толкования иных тяжких последствий в преступлениях с двумя формами вины приводит к правовой неопределённости и размывает границы наказуемости, позволяя в аналогичных случаях принимать противоположные решения относительно уголовной ответственности лиц, совершивших деяния, повлекшие тяжкие последствия. По нашему мнению, применительно к каждому составу, содержащему подобный квалифицирующий признак, с учётом специфики именно данного преступления необходимо предусмотреть в законе (в примечании к соответствующей статье Особенной части УК РФ) хотя бы примерный перечень последствий, которые могут признаваться тяжкими, что позволит устранить обозначенную проблему неединообразного толкования уголовно-правовых норм.

Наконец, невозможно не отметить такую правоприменительную проблему, как разграничение составов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 и ст. 105 УК РФ. Для решения вопроса необходимо обратиться к судебной практике. Так, Алтайский краевой суд изменил приговор суда первой инстанции, переqualифицировав содеянное

⁴ Сорочкин Р. А. Уголовная ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

⁵ См.: Определение Верховного Суда РФ от 12 февраля 1998 г.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 2014. 12 декабря.

с ч. 1 ст. 105 на ч. 4 ст. 111 УК РФ. Как следует из заключения судебно-медицинской экспертизы, область причинения ранения — нижняя треть живота — нельзя признать областью расположения жизненно важных органов. Данное обстоятельство свидетельствует об отсутствии умысла на умышленное причинение смерти. Подсудимая нанесла удары ножом потерпевшему, в результате чего ему был причинен тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, но наступления его смерти подсудимая не желала⁷. Исходя из этого, можно сделать вывод, что основным критерием для разграничения данных составов является направленность

умысла виновного лица: на причинение смерти или вреда здоровью потерпевшего. Как известно, установление субъективной стороны преступления является наиболее сложным при квалификации содеянного, чем, вероятно, и объясняется наличие многочисленных правоприменительных ошибок.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что на сегодняшний день имеется ряд проблем квалификации преступлений с двумя формами. Повышению эффективности правоприменительной практики могло бы послужить принятие отдельного постановления Пленума Верховного Суда РФ по данной категории дел.

⁷ Апелляционное определение № 22–3036/2017 от 27 июля 2017 г. по делу № 22–3036/2017.

УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПОСЯГАТЕЛЬСТВУ

Матвеева М. Д.

Российский государственный университет правосудия,
студентка 1 курса магистратуры

Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния, регламентирована ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ). Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства.

Каждая ситуация, связанная с причинением вреда при необходимой обороне, должна иметь под собой основание и протекать в определенных условиях. Многие авторы выделяют в качестве основания для необходимой обороны общественно опасное посягательство, направленное на личность и права обороняющегося, иных лиц, охраняемые законом интересы общества и государства. Но стоит уточнить, что общественно опасное посягательство выступает лишь одним из оснований необходимой обороны (правовым), вторым (фактическим) основанием является необходимость в немедленном причинении посягающему вреда для предотвращения или пресечения общественно опасного посягательства.

В науке уголовного права выработаны условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству и защите о него.

Принято выделять следующие условия правомерности необходимой обороны, в том

числе определяющие ее основания, по отношению к противоправному посягательству: а) объективная общественная опасность посягательства (в результате его совершения причиняется вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям); б) посягательство должно быть наличным, то есть имеет место начавшееся, но неоконченное противоправное действие; в) посягательство должно быть действительным (посягательство имеет место в действительности, а не в воображении обороняющегося)².

1) Общественная опасность посягательства.

Посягательство всегда характеризуется общественной опасностью, так как в результате его совершения может быть причинен вред охраняемым уголовным законом интересам личности, общества, государства.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»³ (далее — постановление Пленума ВС РФ № 19) определены условия общественно опасного посягательства, при которых обороняющийся не подлежит уголовной ответственности. Это причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов); применение способа посягательства, создающего реальную

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. В. С. Комиссарова. М., 2012. С. 461–466.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // ВС РФ. 2012. № 11.

угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, душение, поджог и т. п.).

Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении причинить вред, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19 также указывается, что в качестве общественно опасных признаются как насильственные (например, побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья), так и ненасильственные (в том числе и неосторожные) деяния. К последним относится совершение действий или бездействия, в том числе по неосторожности, которые хотя и не сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда. К таким посягательствам относятся, например, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167, 168 УК РФ), приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (ст. 215² УК РФ), транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ).

Кроме того, необходимая оборона может быть признана правомерной независимо от того, привлечено ли посягавшее лицо к уголовной ответственности.

Данное постановление даёт важные разъяснения о рассмотрении дел, связанных с необходимой обороной, обязывая правоохранительные органы соблюдать соответствующие правила. Судам следует выяснять, являлись ли для оборонявшегося лица неожиданными действия посягавшего,

вследствие чего оборонявшийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения, при этом следует принимать во внимание время, место, обстановку и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица (состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения и т. п.).

Однако анализ судебной статистики позволяет выявить ряд проблем.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2016 году за превышение пределов необходимой обороны было осуждено 854 человека, из них 286 человек за убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ). При этом в отношении 135 человек было применено наказание в виде лишения свободы, из них 52 осужденных убили нападавших, остальные причинили посягавшим вред здоровью различной степени тяжести. Иными словами, каждый шестой обвиненный в превышении пределов необходимой обороны оказывается в местах лишения свободы. Остальные получают более мягкие наказания или иные меры: условный срок, ограничение свободы, исправительные работы, штраф. И только деяния двух человек признаны правомерным поведением в состоянии необходимой обороны⁴.

Нередки случаи, когда органы предварительного расследования и суды при оценке действий граждан, отражавших общественно опасное посягательство, не учитывают характер и степень общественной опасности посягательства, его внезапность, интенсивность нападения, что в результате приводит к неверной оценке поведения данных лиц. Например, М. была осуждена за превышение пределов необходимой обороны к 1 году 4 месяцам лишения свободы в колонии-поселении. М., нанеся М. Г. удары ножом в ходе избиения и удушения ее последним, избрала меры защиты, соразмерные имевшему место посягательству на её жизнь и здоровье

⁴ См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ / Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f103-svod-2016 (дата обращения: 07.02.2018).

со стороны М. Г., при этом в сложившейся ситуации она не могла объективно оценить степень и характер опасности нападения. Таким образом, М. действовала в состоянии необходимой обороны и не допустила превышение её пределов⁵. В другом случае обороняющегося Ш. осудили за превышение пределов необходимой обороны. В ходе застолья К. и С. напали на Ш., нанеся ему многочисленные удары, в том числе ножом. Ш. удалось перехватить руку К. и выхватить нож, которым он нанес К. и С. в общей сложности 52 удара, в результате чего оба нападавших скончались. Верховный Суд РФ оправдал осужденного, указав, что налицо было нападение, опасное для жизни. Об этом свидетельствует, в частности, то, что удары наносились в область лица и головы, в том числе с использованием ножа. Таким образом, оборонявшийся мог нанести любой вред атаковавшим его лицам для спасения своей жизни. То, что нож переходил из рук в руки, в таком случае не имеет значения, подчеркнул Верховный Суд РФ. Кроме того, и после перехода ножа в руки защищавшегося нападавшие не перестали представлять угрозу его жизни, поскольку атаковали совместно, нанося удары в важные органы человека, атака происходила ночью и была инициирована нападавшими⁶.

2) Наличие посягательства.

Этот признак устанавливает пределы посягательства во времени: посягательство должно уже начаться (или непосредственная угроза его реального осуществления должна быть очевидна), но еще не завершиться.

Обычно посягательство скоротечно, но не исключена возможность посягательств путем совершения длящихся деяний, например, похищение человека с последующим насильственным удержанием. Право на необходимую оборону в этих случаях сохраняется до момента окончания такого посягательства. В случае несовпадения юридического

и фактического момента окончания посягательства право на необходимую оборону сохраняется до момента его фактического окончания.

Посягательство может происходить многоэпизодно, в этом случае каждый очередной эпизод, обладая признаками общественно опасного, наличного и реального посягательства, может служить основанием для необходимой обороны.

Состояние необходимой обороны может иметь место, в том числе в случаях, когда: защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченого посягательства, но исходя из обстоятельств для оборонявшегося лица не был ясен момент его окончания, и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается (мнимая оборона); общественно опасное посягательство не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам.

При этом переход оружия или других предметов, использованных в качестве оружия при посягательстве, от посягавшего к оборонявшемуся сам по себе не может свидетельствовать об окончании посягательства.

Не может считаться необходимой, правомерной как оборона от возможного, подготавливаемого, но еще не реализованного хотя бы в создании опасности посягательства, так и оборона от уже закончившегося, предотвращенного или пресеченного посягательства.

Таким образом, состояние необходимой обороны может появиться до начала посягательства, если существует реальная угроза его возникновения, а закончиться после фактического окончания посягательства, если обороняющемуся не был ясен момент его окончания, и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается.

⁵ См.: Постановление Президиума Московского городского суда от 10.06.2011 г. по делу № 44У-126/11 / Режим доступа: КонсультантПлюс: судебная практика (дата обращения: 07.02.2018).

⁶ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.08.2015 г. № 51-УД15-4 / Режим доступа: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/71162764/#ixzz56WTCi3JX>. (дата обращения: 07.02.2018).

В данном контексте следует затронуть и использование автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19 нашла свое разрешение многолетняя дискуссия о возможности использовать при необходимой обороне вышеперечисленные защитные средства: на применение таких устройств распространяются положения о необходимой обороне. В большинстве таких случаев вред причиняется автономно, непосредственного контакта обороняющегося с посягающим лицом нет. Используемое средство по существу выполняет функцию обороны без обороняющегося лица.

Норма, закрепленная в ст. 37 УК РФ, не конкретизирует способ защиты при необходимой обороне и не требует непосредственного физического воздействия самого обороняющегося на посягающего. В связи с этим можно сделать вывод, что акт необходимой обороны будет осуществлен не в момент установки защитного устройства, а тогда, когда это устройство сработает, таким образом, условие наличности посягательства при осуществлении необходимой обороны с помощью защитительных устройств выполняется.

Дискуссионной представляется позиция Верховного Суда РФ о допустимости использования только автоматических защитных средств, не запрещенных законом. Думается,

что в условиях необходимой обороне лицо имеет право воспользоваться любыми средствами, главное, чтобы оборонительные действия соответствовали характеру и опасности посягательства.

3) Действительность (реальность) посягательства.

Посягательство признается действительным, если оно существует в реальности. Реальность посягательства означает, что оно происходит в объективной действительности, а не в воображении человека. Этот признак позволяет отграничить необходимую оборону от мнимой, когда имеет место фактическая ошибка. При мнимой обороне заблуждение может быть связано с неправильной оценкой поведения человека как общественно опасного. Против кажущегося, только воображаемого нападения, созданного в сознании субъекта, оборона недопустима. При наличии мнимой обороны вопрос об ответственности «обороняющегося» решается не по правилам о необходимой обороне, а исходя из правил о фактической ошибке.

Заканчивая характеристику условий правомерности необходимой обороны, относящихся к посягательству, можно сделать вывод о том, что действия в состоянии необходимой обороны признаются правомерными лишь тогда, когда осуществляется защита от посягательства, обладающего всеми вышеперечисленными признаками.

СОГЛАСИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Неня Б. И.

Российский государственный университет правосудия,
студент 4 курса

Вопрос, связанный с уголовно-правовым значением согласия потерпевшего на совершение в отношении него преступления, имеет практическую значимость и является актуальным в наше время. Необходимо сформулировать определение указанного явления. Полагаем, что наиболее точное и развернутое определение дал М. В. Панов, определивший согласие потерпевшего как имеющее значение для квалификации и уголовной ответственности в целом осознанное и добровольное волеизъявление потерпевшего, выраженное до начала действий в понятной виновному форме и детерминирующее противоправное поведение последнего¹.

Данное явление ежедневно встречается в различных сферах жизнедеятельности общества. В качестве примера можно привести ряд правоотношений, в которых с согласия потерпевшего причиняется тот или иной вред: донорство крови, искусственное прерывание беременности, проведение трансплантации органов и тканей человека, причинение вреда здоровью при занятии спортом и т. д.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, предусмотрены только в гл. 8 УК РФ², среди положений которой нет нормы о согласии потерпевшего. Однако несмотря на это, в перечисленных выше случаях уголовная ответственность за причинение вреда не наступает. Мнения ученых о том,

есть ли необходимость в закреплении данного обстоятельства в УК РФ, разнятся. Одни утверждают, что это необходимо. Например, Э. Л. Сидоренко и М. А. Карабут пишут: «Повышенный интерес науки уголовного права к проблеме согласия пострадавшего во многом обусловлен тем, что оно, не получив определенной оценки в уголовном законе, на практике нередко служит обстоятельством, исключающим преступность деяния. Между тем в российском уголовном праве исключать ответственность могут лишь те обстоятельства, которые прямо предусмотрены уголовным законом. <...> Для придания согласию потерпевшего юридической силы в УК РФ должна быть включена соответствующая норма»³.

Противоположного мнения придерживался Н. Д. Дурманов: «Авторы, признающие согласие потерпевшего обстоятельством, исключающим преступность деяния, механически соединяют по случайному, внешнему признаку совершенно разнородные по их общественному значению и юридической природе действия. Врачевание, выразившееся в удалении большой части человеческого тела при производстве операции, во введении сильнодействующих веществ, и, с другой стороны, умышленное причинение ранений, отсечение преступником руки или приведение жертвы в бессознательное состояние путем наркотиков имеют только внешнее сходство. Такое врачевание не содержит признаков

¹ См.: Панов М. В. Согласие потерпевшего как признак привилегированного состава преступления // Уголовное право. 2014. № 1. С. 57.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Сидоренко Э. Л., Карабут М. А. Частные начала в уголовном праве. СПб., 2007. С. 107.

объективной стороны состава причинения телесных повреждений»⁴.

На наш взгляд, вышеперечисленные действия, совершаемые в рамках различного рода правоотношений, не являются общественно опасными, из чего следует, что такие деяния не могут считаться преступными. В связи с этим не усматривается никакой необходимости в уголовно-правовом регулировании данных ситуаций. Однако стоит отметить, что это лишь определенный перечень деяний, являющихся общепринятыми и не опасными по отношению к обществу.

Разумеется, остальные случаи причинения вреда с согласия потерпевшего должны регулироваться уголовно-правовыми нормами. Например, лицо с согласия другого лица ампутирует ему руку с целью избежать призыва на военную службу. Несмотря на то, что ампутация была проведена с согласия потерпевшего, действия злоумышленника все равно будут квалифицироваться по ст. 111 и ч. 5. ст. 33 и ст. 339 УК РФ. Указанное деяние и его цель заведомо противоправны, а значит, являются общественно опасными.

Напротив, трансплантация органов, которая проводится в специальных учреждениях, регулируется законодательством и в определенных случаях разрешается. Так, в силу ст. 1 Закона РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»⁵ трансплантация органов и (или) тканей от живого донора или трупа может быть применена только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного (реципиента) либо восстановления его здоровья. В результате подобной операции донору заведомо причиняется вред здоровью, однако в данном

случае уголовная ответственность не наступает. Если трансплантация органов проводится в обход имеющегося законодательства, не имеющими на это права лицами, то в таком случае, даже несмотря на согласие донора, таковые будут нести уголовную ответственность по соответствующим статьям УК РФ.

В связи с этим полагаем, что деяния, связанные с причинением вреда с согласия потерпевшего, совершение которых регламентируется другими отраслями права, не являются общественно опасными и не должны отдельно регулироваться уголовным законодательством. Наоборот, государство, выделяя этот ряд поступков, отражает их общественную полезность, а значит, и допустимость такого поведения.

Стоит отметить, что закрепление данного явления в уголовном законе негативно скажется на эффективности работы правоохранительных органов, а также лиц, осуществляющих предварительное следствие и дознание. По каждому случаю, связанному с причинением вреда с согласия потерпевшего, необходимо будет проводить проверку, будь то трансплантация органов в медицинском учреждении или причинение травмы во время спортивных соревнований. Это приведет к множественному увеличению бессмысленных материалов проверки, а следовательно, к снижению эффективности правоохранительной деятельности, так как вопроса об уголовной ответственности у правоприменителя в данных случаях обоснованно не возникает.

В заключение стоит отметить, что закрепление указанных форм поведения в уголовном законодательстве лишь формально изменит их статус, с точки зрения правоприменения ситуация не изменится.

⁴ Дурманов Н.Д. Советское уголовное право: обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния // Советское уголовное право / Отв. ред. Здравомыслов Б.В. Вып. 9. М., 1961. С. 45.

⁵ Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62.

ПОДСТРЕКАТЕЛЬ И ИСПОЛНИТЕЛЬ, ОБЛАДАЮЩИЙ ПРИЗНАКАМИ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА; ИСПОЛНИТЕЛЬ И ПОДСТРЕКАТЕЛЬ, ОБЛАДАЮЩИЙ ПРИЗНАКАМИ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ИХ СОУЧАСТИЯ

Остибовецкий Д. И.

Российский государственный университет правосудия,
студент 3 курса

В части 4 ст. 34 УК РФ установлена ответственность за преступление, совершенное лицом, не являющимся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части УК РФ, участвовавшим в совершении преступления, предусмотренного данной статьей.

Указанные нормативные предписания, казалось бы, просты и понятны и должны однозначно применяться на практике. Однако это не так.

Подтверждением этого являются дела о соучастии в убийстве новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ).

В частности, если муж подстрекает жену, являющуюся матерью их новорожденного ребенка, убить этого ребенка, и мать убивает его, то налицо соучастие в каком преступлении? На первый взгляд, ответ очевиден — в убийстве матерью новорожденного ребенка, предусмотренном ст. 106 УК РФ, ведь лица соучаствуют в конкретном преступлении (ст. 32 УК РФ).

Однако так ли это? Ведь закон связывает убийство матерью новорожденного ребенка

с обстоятельствами, относящимися исключительно к матери: с ее психофизиологическим состоянием во время родов или сразу после их окончания либо с ее психическим расстройством, не исключающим вменяемости либо с объективной психотравмирующей ситуацией. В связи с этим, если привлечь мужа-подстрекателя за соучастие в данном преступлении, то на него распространится «значительное смягчение наказания матери за убийство ею своего новорожденного ребёнка»¹, но эти факторы не относятся к личности мужа-подстрекателя и не должны оказывать смягчающего влияния на квалификацию его действий.

В связи с этим действия подстрекателя должны квалифицироваться как подстрекательство не к убийству матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), а к убийству лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии², предусмотренному п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Такого мнения, полагаем, придерживается ряд ученых: Э. Ф. Побегайло, В. В. Ераксин.

¹ Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2017. С. 225.

² Новорожденный ребенок является малолетним ребенком, чья беспомощность очевидна и названа таковой в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «Консультант Плюс».

Первый, правда, пишет применительно к данному случаю о соисполнителях, действия которых следует квалифицировать по ст. 105 УК РФ, так как обстоятельства, на основании которых смягчается ответственность матери, на них не распространяются³.

В. В. Ераксин пишет о всех соучастниках, отмечая, что поскольку субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, может быть только мать новорожденного, достигшая 16 лет, все остальные участники преступления несут ответственность по ст. 105 УК РФ⁴.

Вместе с тем, по нашему мнению, такая квалификация, справедливая по своей сути, нарушает положения ст. 32 УК РФ. Чтобы этого не было, вероятно, необходимо внести коррективы в редакцию ст. 32 УК РФ. Однако прежде чем пытаться это сделать, представим наш пример с теми же соучастниками, но выполняющими иные роли, и рассмотрим его.

Подстрекателем к убийству новорожденного является его мать, а исполнителем ее муж-отец данного ребенка.

Мать зачастую в силу эмоциональной и физической истощенности, хотя и желает наступления общественно опасного последствия в виде смерти своего новорожденного ребёнка, но не может добиться этого самостоятельно по объективным причинам. В связи с этим она просит осуществить задуманное своего мужа, что последний «собственноручно» и делает.

Муж будет являться исполнителем преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, его действия будут квалифицироваться без ссылки на ст. 33 УК РФ. Однако возникают те же вопросы о квалификации соучастия: «Как квалифицировать действия матери?» Как подстрекательство к убийству, предусмотренному п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, или как подстрекательство к убийству матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), ведь она является субъектом этого

преступления? В каком преступлении мать соучаствовала — в предусмотренном «в» ч. 2 ст. 105 или 106 УК РФ?

В первом случае квалификации (ч. 4 ст. 33 и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) ответственность существенно строже (лишение свободы на срок от 8 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы), чем во втором (ч. 4 ст. 33 и ст. 106 УК РФ) — лишение свободы до 5 лет.

Однако если допустить такую квалификацию, то не учитываются смягчающие обстоятельства, связанные с матерью, как со специальным субъектом иного преступления (ст. 106 УК РФ). Да и фактически получается, что матери лучше убить своего новорожденного ребенка самостоятельно, нежели кого-то уговаривать совершить это преступление за неё, поскольку ответственность по ст. 106 УК РФ гораздо мягче.

Квалифицировать действия матери как подстрекательство к убийству матерью новорожденного ребенка по ч. 4 ст. 33 и ст. 106 УК РФ также не представляется правильным и логичным, поскольку соучастник преступления не может привлекаться к ответственности за соучастие по другой статье, нежели привлекается исполнитель этого преступления.

Между тем, практика пошла именно по этому пути.

Так, Мурманский областной суд осудил Широкову А. А. и Качинскую С. Н. за соучастие в убийстве новорождённого ребёнка. В конце марта 2007 года Широкова родила жизнеспособного ребёнка. Роды прошли нормально, Качинская помогала Широковой и принимала ребенка, который родился живым, кричал и дышал нормально. По указанию Широковой она перерезала ножницами пуповину и передала ребенка Ж., которая во что-то завернула его, Широкова сказала, что ребенка нужно выбросить на помойку, так как он ей не нужен. По просьбе Широковой Ж. завернула ребенка в кофту, он был жив и кричал. Широкова попросила ее, Качинскую, отнести пакет с ребенком

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 1999. С. 241.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 2000. С. 224.

на помойку и выбросить, так как самой ей после родов было трудно сделать это. Она согласилась выполнить просьбу Широковой, понимая, что на улице ребенок обязательно умрет, и в пакете вынесла его и выбросила в мусорный контейнер возле дома.

Действия Широковой были квалифицированы судом по ч. 4 ст. 33, ст. 106 УК РФ, а действия Качинской по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судебная коллегия Верховного Суда РФ по уголовным делам оставила квалификацию без изменений⁵.

Однако данная квалификация не является на наш взгляд обоснованной и правильной. На основе ранее изложенного, мы можем сделать вывод о том, что правильной будет в данном случае квалификация действий Широковой по ст. 106 УК РФ без ссылки на ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Аналогичное решение предлагала еще в конце XIX века редакционная Комиссия, подготовившая проект Уголовного уложения. Она отмечала, что если детоубийство учинено несколькими соучастниками, постановления ст. 391 *будут применяться к виновной матери*, каково бы ни было ее участие, т. е. была ли она физической исполнительницей, *подстрекательницей* или пособницей.

Также не меньший интерес вызывает иной приговор, вынесенный Челябинским областным судом. Так, Ермакова А. С. и Запольских Д. В. были осуждены за соучастие в убийстве новорождённых детей. В утреннее время 7 октября 2004 года Ермакова А. С., находясь в доме по адресу <...>, родила живого младенца мужского пола. Роды у Ермаковой принимал ее сожитель Запольских Д. В.

После рождения мальчика Ермакова, осознавая, что не имеет средств на его содержание и не желая воспитывать ребенка, решила его убить, также осознавая, что мальчик в силу своего возраста находится в беспомощном состоянии, Ермакова уговорила своего сожителя Запольских совершить убийство новорожденного.

Выполняя указания и советы Ермаковой, осознавая, что мальчик в силу своего возраста находится в беспомощном состоянии, Запольских, действуя с целью убийства новорожденного мальчика, взял находящийся в доме таз, наполнил его водой, принял у Ермаковой новорожденного мальчика. После чего на длительное время поместил новорожденного мальчика в таз с водой лицом вниз, тем самым перекрыв доступ воздуха в организм младенца.

Во второй декаде августа 2006 года в утреннее время Ермакова А. С., находясь в доме по адресу: <...>, родила живого младенца женского пола. Роды у Ермаковой принимал ее сожитель Запольских Д. В.

Ермакова уговорила своего сожителя Запольских совершить аналогичное убийство новорожденной.

Суд квалифицировал действия Ермаковой как подстрекательство к убийству лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (по ч. 4 ст. 33 и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а действия Запольских как оконченное убийство, к которому его подстрекала Ермакова (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Коллегия Верховного Суда РФ по уголовным делам также оставила квалификацию без изменений в кассационной инстанции⁶.

Неполноценность квалификации, данной судом, а также ее формальное противоречие положениям ст. 32 УК РФ мы отмечали ранее. В целях устранения этого *de lege ferenda* можно предложить следующую редакцию ч. 4 ст. 34 УК РФ: «Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьёй, несёт уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника, *если действия (бездействие) этого лица не образуют самостоятельный состав преступления*».

⁵ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17 марта 2008 г. по делу № 34-О08-3 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29 мая 2008 г. по делу № 48-008-25 // СПС «КонсультантПлюс».

Действие предложенной редакции нормы ч. 4 ст. 34 УК РФ можно гипотетически верифицировать логикой рассуждения о привлечении соучастников за государственную измену (ст. 275 УК РФ) и шпионаж (ст. 276 УК РФ), субъекты преступления которых специальные.

Субъектом государственной измены (ст. 275 УК РФ) является российский гражданин, а субъектом шпионажа (ст. 276 УК РФ) — иностранный гражданин или лицо без гражданства.

Поскольку субъектом совершения шпионажа как самостоятельного преступления (ст. 276 УК РФ) может быть только иностранный гражданин или лицо без гражданства, то вправе *de jure* посчитать невозможным соучастие в данном преступлении с российским гражданином. Однако такое соучастие фактически возможно, и не привлекать российского гражданина к ответственности за соучастие, в том числе за подстрекательство к шпионажу (ст. 276 УК РФ) — в преступлении против безопасности российского государства, — непозволительная халатность и в связи с этим нельзя оставить квалификацию соучастия в данном преступлении без внимания⁷.

Шпионаж, как известно, является также формой иного самостоятельного преступления — государственной измены (ст. 275 УК РФ). В литературе отмечалось, что шпионами не могут быть российские граждане⁸ и что надо исключить эту форму деяния (шпионаж) из государственной измены, но мы так не считаем: шпионить могут и российские граждане (шпионы, шпики, информаторы, агенты всегда были и есть среди сограждан).

Таким образом, подстрекательство к шпионажу иностранного гражданина против безопасности Российской Федерации российским гражданином должно быть квалифицировано в отношении последнего как самостоятельное преступление — государственная измена (ст. 275 УК РФ), а в отношении иностранного гражданина — как шпионаж (ст. 276 УК РФ).

В противоположном случае, когда иностранный гражданин подстрекает российского гражданина собирать сведения в ущерб безопасности российского государства — все с точностью до наоборот: действия исполнителя шпионажа (специального исполнителя) — российского гражданина необходимо квалифицировать по ст. 275 УК РФ, действия подстрекателя — иностранного гражданина — по ст. 276 УК РФ.

Исходя из изложенного, считаем важным отметить объективную необходимость законодательного регулирования данных вопросов соучастия для единообразной правоприменительной практики, с целью чего предлагаем *de lege ferenda* следующую редакцию ч. 4 ст. 34 УК РФ: «Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьёй, несёт уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника, **если действия (бездействие) этого лица не образуют самостоятельный состав преступления**».

⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. И. Радченко М., 1996. С. 494; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Г. М. Миньковского. М., 1997. С. 591; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с учётом судебной практики. Книга вторая / Под ред. О. Ф. Шишова. М., 1998. С. 372.

⁸ См.: Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1998. С. 31.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВИЛ ИСЧИСЛЕНИЯ РАЗМЕРА НЕУПЛАЧЕННЫХ НАЛОГОВ, СБОРОВ И ВЗНОСОВ В СТ. 198 И 199 УК РФ

Савицкая Я. Д.

Российский государственный университет правосудия,
студентка 3 курса

Толкование применения правила исчисления размера неуплаченных налогов было дано в п. 11 и 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления»¹: обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 УК РФ, является крупный или особо крупный размер неуплаченных налогов и (или) сборов, определяемый согласно примечаниям к ст. 198 и 199 УК РФ. При этом крупный или особо крупный размер неуплаченных налогов и (или) сборов определяется за период в пределах трех финансовых лет подряд. Следует подчеркнуть, что речь идет об обязательном признаке преступления.

Налог — одно из основных средств пополнения российского бюджета, поэтому значение правового регулирования налогообложения нельзя поставить под сомнение. Неуплата налогов, сборов и страховых взносов как правонарушение регулируется налоговым законодательством — ст. 122, 129³, 129⁵ НК РФ². Также установлена уголовная ответственность за уклонение

от уплаты налогов, сборов и страховых взносов в ст. 198 УК РФ³ «Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица — плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов» и ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией — плательщиком страховых взносов», которые расположены в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности».

По отчетным данным прокуратуры Московской области в 2016 году судами области рассмотрено 31 уголовное дело о преступлениях в сфере налогообложения в отношении 32 лиц. Обвинительные приговоры постановлены по 22 уголовным делам в отношении 23 лиц⁴.

Увеличение суммы неуплаченных налогов, которая считается основанием для уголовного преследования, сразу повлияло на снижение количества экономических преступлений на 3,3% (с 112 445 до 108 754)⁵.

Из приведенной статистики видно, что в целом уровень налоговых преступлений снижается, но не по причине грамотной

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // БВС РФ. 2007. № 3.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ См.: Взаимодействие ФНС и Следственного комитета РФ — практический аспект // Теория права <<http://argmag.com/fns-i-sk-vzaimodeystvie/>> (дата обращения: 25.01.2018 г.).

⁵ См.: Взаимодействие со СМИ // Генеральная Прокуратура РФ <<https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1166562/>> (дата обращения: 25.01.2018 г.).

и эффективной уголовно-правовой политики, а за счет отдельных корректировок условий наступления ответственности. Это свидетельствует о том, что существующая система наказаний за преступления в сфере неуплаты налогов нуждается в пересмотре и комплексном совершенствовании.

В Налоговом кодексе РФ правонарушение не ограничено конкретным временным периодом, а в уголовном законе аналогичный признак имеет обязательное значение, на что прямо указывается в примечании 2 к ст. 198 и 199 УК РФ.

Крупным размером неуплаченных физическим лицом налогов, сборов или страховых взносов (ч. 1 ст. 198 УК РФ) признается:

1) сумма неуплаченных налогов за 3 финансовых года, если она превышает 900 000 рублей, при том что данная сумма составляет не менее 10% от всей суммы налогов, сборов или взносов, подлежащих уплате;

2) сумма неуплаты превышает 2 700 000 рублей.

Аналогичным образом, только с более крупными суммами, сформулированы условия для наступления ответственности за то же деяние в особо крупном размере, а также для наступления ответственности по ст. 199 УК РФ.

В судебной практике можно найти примеры практически для каждого варианта исчисления размера неуплаты, но стоит отметить, что чаще используется первое правило исчисления размера.

1) Пример по ч. 1 ст. 198 УК РФ: «Тлукашов Ш. Я <...> за период в пределах трех финансовых лет подряд с 01.01.2013 по 31.12.2015 год, не уплатил с полученного им дохода в сумме 9963537 рублей налог на доходы физических лиц, установленного в соответствии со ст. 224 НК РФ в размере 13 процентов, на общую

сумму 1 294 740 рублей, что является крупным размером, уклонившись, таким образом, от уплаты налогов с физического лица»⁶.

2) Пример по ч. 1 ст. 199 УК РФ: «Таким образом, в результате неправомерных действий Утученкова В.И. <...> не исчислены и не уплачены в бюджет Российской Федерации налоги: НДС за ДД. ММ. ГТТГ в сумме <данные изъяты> рублей (сроки уплаты: ДД. ММ. ГТТГ), что составляет 51% от подлежащих уплате сумм налогов и сборов за период в пределах трех финансовых лет подряд, с ДД. ММ. ГТТГ по ДД. ММ. ГТТГ, что является крупным размером»⁷.

3) Пример по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ: «В результате умышленных действий К.Р.Г., а именно необоснованного применения налоговых вычетов по НДС по взаимоотношениям с указанными лжепредприятиями, с ООО «ПромЖелдорПуть» не исчислен и не уплачен в бюджет Российской Федерации НДС <...> всего 17 870 392 рублей, что составляет 78,33% от общей суммы налогов и сборов, подлежащих уплате ООО «ПромЖелдорПуть» в бюджет за 2012–2014 год, то есть в особо крупном размере в соответствии с примечанием к ст. 199 УК РФ»⁸.

Случаев применения правила исчисления неуплаченного налога, согласно которому при вынесении решения суд опирается на одну фиксированную сумму, в судебной практике гораздо меньше.

Например: «Таким образом, в период с <дата> по <дата> директор ООО «<данные изъяты>» Кучеренко А.И. умышленно уклонился от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль <...> на общую сумму 9 883 662 рублей, что является крупным размером, поскольку превышает шесть миллионов рублей. То есть совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 199 УК РФ»⁹.

⁶ См.: Приговор Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 07.07.2017 г. № 1–233/2017 // СудАкт <<http://sudact.ru/regular/doc/WWEVva6bwfK/>> (дата обращения: 07.01.2018 г.).

⁷ См.: Приговор Пуровского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 01.06.2017 г. № 1–78/2017 // СудАкт <<http://sudact.ru/regular/doc/lmZe94anMm58/>> (дата обращения: 08.01.2018 г.).

⁸ См.: Приговор Красноармейского районного суда г. Волгограда Волгоградской области от 15.05.2017 г. № 1–14/2017 // СудАкт <<http://sudact.ru/regular/doc/ХСРТВОgzm0V4/>> (дата обращения: 08.01.2018 г.).

⁹ См.: Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 10.03.2011 г. № 1–529–10 // РосПравосудие <<https://rospravosudie.com/court-taganrogskiy-gorodskoj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-100449186/>> (дата обращения: 09.01.2018 г.).

В судебной практике встречается довольно много ошибок, заключающихся в неправильном исчислении размера неуплаченных налогов.

«20.01.2016 г. Хурамшина Г. Р., достоверно зная о ложности указанных ею в налоговой декларации сведений, представила в Инспекцию ФНС России по г. Набережные Челны заведомо ложную налоговую декларацию по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения с объектом «доходы» за 2015 год, тем самым уклонилась от уплаты налога, уплачиваемого в бюджет в связи с применением упрощенной системы налогообложения с объектом «доходы» на 2 928 000,00 рублей, что является крупным размером и составляет 94,7% от подлежащих уплате сумм налогов и сборов с ИП Хурамшиной Г. Р. в пределах трех финансовых лет подряд»¹⁰. В данном приговоре исчисление выполнено неверно, т. к. учитываются данные только за период с 01.01.2015 г. по 20.01.2016 г.

«Алексаян К. П. за период ее деятельности в должности руководителя организации ООО «Максимус» за 3 квартал 2016 года в предусмотренные законодательством сроки, уклонилась от уплаты налогов на общую сумму <данные изъяты>, при этом доля неполностью исчисленных и уплаченных налогов по отношению к сумме налогов, подлежащих уплате, составляет 98,5%, то есть более 25% от суммы подлежащих уплате, что является согласно примечанию к ст. 199 УК РФ, является крупным размером»¹¹. В данном примере можно наблюдать случай поквартального исчисления, в приговоре учтен только отдельный квартал отдельного года, что недопустимо и нарушает норму уголовного закона.

Исчисления за меньший период в пределах 3 финансовых лет меняют пропорции уплаченных и сокрытых налогов, что приводит к неправильному исчислению размера и,

следовательно, необоснованному привлечению лиц к уголовной ответственности.

Основываясь на всем сказанном выше, представляется целесообразным использование первого правила исчисления неуплаченного налога (сбора, взноса), то есть схемы: «3 финансовых года, не менее X % от общей суммы налогов (сборов, взносов), подлежащих уплате, и при этом не менее определенной фиксированной суммы». Это можно объяснить тем, что суммы неуплаты, как показывает практика, редко оказываются достаточными для применения второго правила, то есть «более определенной фиксированной суммы».

Однако существуют проблемы с толкованием и применением примечаний к ст. 198 и 199 УК РФ. Сложилось 3 подхода к исчислению неуплаты по схеме с тремя финансовыми годами:

- 1) правильное исчисление за 3 финансовых года;
- 2) неправильное исчисление менее чем за 3 финансовых года;
- 3) неправильное исчисление за один или несколько кварталов одного или нескольких лет.

Несмотря на разъяснения, данные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления», в судебной практике остается достаточно много ошибок, связанных с применением правил исчисления суммы неуплаченных налогов, сборов и взносов. Это обусловлено недостаточной четкостью формулировки данных правил в уголовном законодательстве и сложностью налогового законодательства в целом. В этой связи требуется дальнейшее и более глубокое научное осмысление данной проблемы, а также совершенствование правоприменительной практики по этой категории дел.

¹⁰ См.: Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 11.07.2017 г. № 1-794/2017 // СудАкт <<http://sudact.ru/regular/doc/M0KjEuvpTQlx/>> (дата обращения: 07.01.2018 г.).

¹¹ См.: Приговор Кропоткинского городского суда Краснодарского края от 6.07.2017 г. № 1-182/2017 // СудАкт <<http://sudact.ru/regular/doc/qFzyaNL8pZb1/>> (дата обращения: 08.01.2018 г.).

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ МОТИВОВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Сайгушев Н. В.

Российский государственный университет правосудия,
студент 2 курса

Тема мотивов до настоящего времени остается дискуссионной. Так, А. В. Наумов пишет, что мотив — это побуждение, побудительная причина преступного поведения¹. А. В. Бриллиантов отмечает, что мотив преступления — это внутренние побуждения, толкнувшие человека на совершение преступления². Понятие «мотив» активно разрабатывалось наряду с наукой уголовного права также общей психологией³.

Большинство ученых в этой области отмечают, что потребности человека образуют ядро личности, а сама тема мотивов и мотивации поведения — одна из основных и сложных в психологии. Б. Ф. Ломов: «Трудность здесь заключается в том, что в мотивах и целях наиболее отчетливо проявляется системный характер психического; они выступают как интегральные формы психического отражения»⁴.

Мотив всегда порожден потребностями человека. Они могут быть нормальными и искаженными. К нормальным можно отнести желание быть признанным и уважаемым в коллективе. Когда мы касаемся уголовного права, чаще всего мы говорим об искаженных или гипертрофированных нормальных потребностях. Например, 4 марта 2015 года был задержан губернатор Сахалинской области А. В. Хорошавин. Ему было предъявлено обвинение в получении взятки. Данное преступление совершено из корыстных побуждений. Хорошавин, являясь высокопоставленным должностным лицом, уже имел соответствующее материальное обеспечение, статус, а также ряд других привилегий.

Если мы обратимся к пирамиде потребностей Маслоу, то увидим, что его потребности являются нормальными по существу, но они гипертрофированы, в количественном отношении выходят за пределы нормы. Другой пример — А. Чикатило. Здесь на лицо искаженные потребности: сексуальные, насильственные, садистские, властные.

Обратимся к психологии личности. Так Л. Д. Столяренко пишет, что человек живет в трех сферах мира (природа — общество — культура), поэтому можно выделить три типа субъектов⁵.

Во-первых, природный субъект — это человек как биологическое существо, который приспосабливается к быстро изменяющимся условиям окружающей среды, а также выступает носителем тех базовых потребностей, удовлетворяя которые, он обеспечивает биологическое процветание собственному виду.

Во-вторых, это социальный субъект, то есть человек как носитель социальных норм, правил, принятых в данном обществе. Данный элемент внутренней сущности человека имеет уже более сложное строение, так как состоит из двух компонентов.

С одной стороны, социальные нормы, которые регулируют и упорядочивают общественные отношения, для более удобного и безопасного взаимодействия с окружающим миром. Данный элемент относится скорее к предыдущей рассмотренной системе, так как человек выполняет здесь все те же функции и взаимодействует с внешним миром с целью добычи и потребления ресурсов.

¹ См.: Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Общая часть. М., 2004.

² См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2017. С. 129.

³ См.: Столяренко Л. Д., Самыгин С. И. Психология личности: Учеб. пособие. Ростов, 2016. С. 9.

⁴ Ломов Ф. М. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 19.

⁵ См.: Столяренко Л. Д., Самыгин С. И. Указ. соч. С. 9.

Следующий элемент субъекта социума является истинно человеческим. Под длительным воздействием социальных норм в человеке стала складываться возможность совершать альтруистические действия во благо отдельных индивидов или всего общества в целом. Это и есть второй компонент социального субъекта.

Итак, реализуясь в личности, первый «природный» субъект как бы напоминает о базовых потребностях человека, образуя соответствующие мотивы, например, мотив корысти или сексуальный. Преступления, совершаемые под воздействием данных мотивов, например, убийство, кража, изнасилование, разбой, вымогательство, получение взятки, относятся к первой группе преступлений, порождаемых первым компонентом личности человека. Отметим один важный факт: приводя примеры данных совершенных преступлений, имеем ввиду, что они совершены умышленно.

Далее рассмотрим «социальный субъект». Он порождает все те же мотивы, однако преступления, совершаемые здесь, будут иметь социальную окраску, например, бандитизм, убийство, совершенное группой лиц, или группой лиц по предварительному сговору, или организованной группой.

Необходимо отметить, что между мотивом и потребностью существует неразрывная связь. Она заключается в том, что именно потребности формируют побуждение человека к определенным действиям.

Теперь необходимо отметить значение мотива. Мотив — это факультативный признак состава преступления, и при совершении некоторых преступлений (например, ст. 116 УК РФ) в отсутствии установленных законом мотивов, отсутствует состав преступления. На квалификацию влияют те мотивы, которые предусмотрены в качестве обязательного признака субъективной стороны тех или иных видов преступлений, описанных в Особенной части УК РФ. При назначении наказания, при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности или освобождении от неё необходимо учитывать мотивы, которые отнесены к обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание. Так согласно ст. 61 УК РФ, мотив сострадания

(альтруистический) является обстоятельством, смягчающим наказание. И наоборот, преступление, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, является обстоятельством, отягчающим ответственность. Мотив может выполнять роль квалифицирующего признака, например, п. «д» или «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ или п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ.

Разные мотивы могут выступать как квалифицирующие признаки (например, п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ), так и обстоятельствами, смягчающими наказания (п. «д» ч. 1 ст. 61 УРФ), либо отягчающими наказания (п. «е.1» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Некоторые мотивы формируют особый криминологический вид преступлений «Преступления экстремистской направленности», под которыми, согласно примечанию 2 к ст. 282.1 УК РФ понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Основываясь на вышесказанном, необходимо сделать следующие выводы:

- 1) мотив преступления — это внутренние побуждения, толкнувшие человека на совершение преступления;
- 2) «внутренность» данных побуждений часто исходит от древней «животной» части личности человека;
- 3) различные потребности порождают те или иные мотивы; люди в силу своей уникальности избирают разнообразные пути удовлетворения этих потребностей, иногда это путь через совершение преступления;
- 4) для уголовного права мотивы имеют существенное значение, так как они выступают факультативным признаком состава преступления; мотивы могут выступать обстоятельствами смягчающими и отягчающими наказания, а также квалифицирующими либо вовсе составообразующими признаками в некоторых составах преступлений.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ (СТ. 138¹ УК РФ)

Стырин П. С.

Российский государственный университет правосудия,
студент 4 курса

Уголовная ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, закреплена в ст. 138¹ УК РФ¹, появившейся сравнительно недавно — 7 декабря 2011 года. Ввиду определенной специфики данной статьи крайне актуально рассмотреть возникающие по поводу неё вопросы, проистекающие из содержания состава преступления, правоприменительной практики и обоснованности оценки общественной опасности данного деяния как столь высокой.

В части 1 ст. 14 УК РФ даётся понятие преступления, в которой оно раскрывается как виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания. Из этого следует, что прежде всего необходимо понять, какое именно деяние запрещено ст. 138¹ УК РФ. Для выполнения данной цели следует обратить внимание на объективную сторону преступления, которая заключается в незаконных производстве, приобретении и (или) сбыте специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Ограничение свободного оборота специальных и иных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, установлено Указом Президента РФ от 22.02.1992 г. № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена»², а закрепление государственного регулирования в виде лицензирования такой деятельности, как разработка, производство, реализация и приобретение в целях продажи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, предусмотрено в п. 2 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»³.

Данный закон никаким образом не раскрывает понятие специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации, и не содержит перечня средств, которые необходимо к ним относить, однако такой перечень содержится в Постановлении Правительства РФ от 12.04.2012 г. № 287 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи специальных технических

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Указ Президента РФ от 22.02.1992 г. № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» // Российская газета. 1992. 16 марта.

³ Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

средств, предназначенных для негласного получения информации»⁴. Данный перечень содержит десять специализаций устройств самой различной направленности, объединяющим критерием которых является негласность их использования.

Таким образом, под незаконными действиями, указанными в диспозиции нормы, содержащейся в ст. 138¹ УК РФ, следует понимать действия, связанные с производством, приобретением или сбытом специальных технических средств, совершаемые в нарушение установленного порядка лицензирования данной деятельности.

Теперь, когда установлено, в чём же именно состоит запрещённое деяние, следует обратить внимание на объект рассматриваемого преступления. Исходя из названия главы, в которой находится ст. 138¹ УК РФ, видовым объектом данного преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением конституционных прав и свобод человека и гражданина. Непосредственным объектом выступают общественные отношения, связанные с установленным порядком осуществления указанных в диспозиции нормы действий. Такой позиции придерживается и А. В. Бриллиантов, указывающий, что для данной статьи непосредственным объектом преступления является установленный законом, иными нормативными актами порядок производства, приобретения, сбыта специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации⁵. Данные общественные отношения, очевидно, не входят в круг конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В описательно-мотивировочной части решений суд, как правило, ссылается на ст. 23 и 24 Конституции РФ⁶, как на те, в которых закреплены нарушаемые преступлением, предусмотренным ст. 138¹ УК РФ, права гражданина⁷. Данные нормы регламентируют права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также закрепляют положения о недопущении сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. В то же время, действия, составляющие объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 138¹ УК РФ, непосредственно не посягают на данные права, так как не препятствуют их осуществлению. Само по себе производство, приобретение или сбыт технических средств, предназначенных для негласного получения информации, означают не получение информации, а лишь возможность для её получения. Если данные действия совершаются с умыслом на получение данной информации, то их следует квалифицировать как приготовление к соответствующим преступлениям, в которых объектом являются общественные отношения, связанные с охраной определенных сведений или защитой определенной тайны (ст. 137, 138 УК РФ), а если данные действия совершаются без умысла на использование технических средств в целях получения информации, право на тайну которой закреплено в Конституции РФ, то в таком случае конституционные права и свободы человека гражданина никаким образом задеты быть не могут.

⁴ Постановление Правительства РФ от 12.04.2012 г. № 287 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 16. Ст. 1885.

⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / Под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2017. С. 499.

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁷ См., напр.: Решение Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга по делу № 1–395/2012 от 08.11.2012 // РосПравосудие (URL: <https://rospravosudie.com/court-chkalovskij-rajonnij-sud-g-ekaterinburga-verdlovskaya-oblast-s/act-107020393/>); Решение Октябрьского районного суда г. Иваново по делу № 1–162/2017 от 06.09.2017 // РосПравосудие (URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnij-sud-g-ivanovo-ivanovskaya-oblast-s/act-559283756/>).

В связи с этим фактом возникает вопрос об обоснованности и целесообразности размещения данного состава в гл. 19 УК РФ. В частности, В. А. Новиков указывает на необходимость переноса нормы об ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»⁸. Данная позиция вызывает определённые сомнения в связи с тем, что по аналогии с привязкой к объекту конституционных прав и свобод человека и гражданина само по себе совершение действий, указанных в диспозиции ст. 138¹ УК РФ, не наносит вреда видовому объекту уголовно-правовой охраны по гл. 29 УК РФ и имеет к нему отношение только при наличии умысла на совершение преступлений, предусмотренных статьями данной главы об охране определенных сведений (ст. 275, 276 УК РФ). Однако в таком случае данные действия уже сами по себе будут подлежать квалификации как приготовление к деяниям, предусмотренным вышеуказанными статьями, и необходимости в наличии дополнительного состава нет.

Как указано в ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», целью лицензирования является предотвращение ущерба различным объектам, возможность нанесения которого связана с осуществлением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями отдельных видов деятельности. Таким образом, лицензирование является способом государственного регулирования предпринимательской деятельности. Позиция о такой роли лицензирования является достаточно распространённой, в частности, её занимает М. В. Сулова⁹. Таким образом, установление ограничений на производство,

приобретение и (или) сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, является методом регулирования предпринимательской деятельности, а регулирование, в свою очередь, является одним из методов управления. Следовательно, наиболее целесообразным представляется поместить рассматриваемый состав в гл. 32 УК РФ «Преступления против порядка управления».

В то же время в этой связи возникает вопрос о том, обосновано ли усмотрение в деянии, предусмотренном ст. 138¹ УК РФ, общественной опасности, достаточной для установления уголовной ответственности за его совершение. По своей природе, как отмечает С. А. Бочкарев, общественная опасность деяния является оценкой того, как определенные действия с высокой степенью вероятности причиняют ущерб интересам общества¹⁰. Для абсолютного большинства деяний, связанных с осуществлением лицензируемой деятельности без лицензии, установлена административная ответственность (ст. 7.3, 13.3, 14.1.2 и др. КоАП РФ¹¹). Отделённый от конституционных прав и свобод человека и гражданина как объекта уголовно-правовой охраны состав преступления, предусмотренного ст. 138¹ УК РФ, оказывается в одном ряду с другими немногими посягательствами, в которых деяние заключается в совершении действий без лицензии (к примеру, ст. 222, 228, 235 УК РФ). Но для этого нет достаточных оснований, поскольку подобные деяния создают прямую угрозу жизни и здоровью людей, а применительно к рассматриваемому преступлению о подобном говорить не приходится.

В связи с изложенным представляется необходимым декриминализовать деяние, предусмотренное ст. 138¹ УК РФ, установив за его совершение административную ответственность.

⁸ См.: Новиков В. А. Дискуссионные аспекты определения границ видового объекта преступлений, предусмотренных главой 19 УК РФ // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 101–108.

⁹ Сулова М. В. Назначение института лицензирования предпринимательской деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2013. № 3. С. 112, 113.

¹⁰ Бочкарев С. А. О природе общественной опасности преступления // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 155–159.

¹¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ

Султабиева А. А.

Российский государственный университет правосудия, студентка 4 курса

Когда идет речь о таком специальном субъекте преступления, как должностное лицо, не возникает сомнений, почему законодатель всегда выделял эту категорию в данном качестве. Должностные лица, являясь носителями государственных властных полномочий, должны поддерживать доверительное и уважительное отношение граждан к государственной власти и существующему правопорядку. Поэтому когда такие лица совершают преступления, этими действиями они не только нарушают права и свободы граждан и организаций, но и подрывают авторитет государства и закона, порождают снижение уровня правосознания граждан. Тем не менее, само по себе наличие уголовно-правового запрета еще не предполагает решения проблемы.

Одним из дискуссионных вопросов квалификации должностных преступлений является возможность применения данных норм в отношении преподавателей учебных заведений.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 285 УК РФ должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской

Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Преподаватели учебных заведений не являются представителями власти и, как правило, не выполняют административно-хозяйственных полномочий, оценка совершенных ими действий осуществляется преимущественно в рамках выполнения организационно-распорядительных функций. Именно по этому пути идет судебная практика.

Так, старший преподаватель кафедры университета В. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ, так как получила взятку в размере 500 рублей от студента, который был не готов к сдаче зачета по дисциплине «Материаловедение». Суд установил, что согласно должностной инструкции В. основными видами учебной работы старшего преподавателя являются: чтение лекций, проведение практических занятий (семинаров), лабораторных работ, прием зачетов по лабораторным и практическим работам, прием экзаменов и зачетов; руководство курсовым проектированием (курсовыми работами), производственной практикой, дипломным проектированием (в порядке исключения). В., являлась старшим преподавателем кафедры «Промышленное и гражданское строительство» архитектурно-строительного факультета, выполняла в указанном образовательном учреждении организационно-распорядительные функции, то есть являлась должностным лицом¹.

¹ См.: Приговор Ленинского районного суда Астраханской области от 23.05.2011 г. по уголовному делу № 1–52/11 // URL: <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-astraxani-astraxanskaya-oblast-s/act-101887042/>.

В пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»² разъясняется, что под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т. п. К организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, а также по приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии).

Сторонники расширительного толкования данного положения полагают, что в данном случае Верховный Суд РФ не дал исчерпывающего перечня лиц, которые должны признаваться должностными, а лишь привел пример, указал направление для дальнейшего разрешения подобных ситуаций³. Однако возникают сомнения, о каком руководстве трудовым коллективом или находящимся в подчинении работниками в случае с обычными преподавателями может идти речь. Другой вопрос: можно ли считать осуществление таких профессиональных функций,

как принятие зачетов и экзаменов и выставление в результате оценок, решениями, влекущими юридически значимые последствия. К сожалению, текст постановления Пленума Верховного Суда РФ сформулирован таким образом, что судьи вынуждены применять норму о специальном субъекте к преподавателям, получившим денежное или иное вознаграждение за проставление желаемых для взяткодателя оценок, ведь если преподаватель ставит неудовлетворительную оценку, для студента это может влечь ряд последствий: лишение стипендии, передача экзамена, отчисление и так далее.

Как отмечают А. В. Бриллиантов и Е. Ю. Четвертакова, характер правовых последствий может носить вероятностный или отдаленный во времени характер, то есть действия должностного лица могут создавать лишь вероятность наступления определенных последствий⁴. Такое утверждение представляется спорным, так как именно в случае с преподавателями нельзя однозначно говорить о характере предполагаемых последствий. В конечном счете, лицом, от которого зависит их наступление, выступает ректор учебного заведения, декан, заведующие кафедрами и другие лица, которые изданием определенных локальных актов решают вопрос о дальнейшем положении конкретного студента. Кроме того, студентам всегда предоставляется право передать зачет или экзамен в случае выставления оценки «неудовлетворительно» или «не зачтено», и даже после принятия соответствующего решения комиссией преподавателей решение об отчислении студента может принять только ректор или иное лицо, на которое внутренними документами учебного заведения возложены такие полномочия. Эти лица и должны признаваться должностными.

Так, согласно п. 4.8 Положения «О текущем контроле и промежуточной аттестации знаний студентов, обучающихся по направлению подготовки (специальностям)

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // БВС РФ. 2009. № 12.

³ См.: Бриллиантов А. В., Четвертакова Е. Ю. Должностное лицо по уголовному законодательству Российской Федерации: понятие, виды, признаки. М., 2017. С. 42.

⁴ См.: Там же.

высшего образования» ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»⁵ пересдача экзаменов, промежуточных и итоговых зачетов производится не более двух раз. Для второй пересдачи создается комиссия, состоящая не менее чем из трех преподавателей кафедры и декана факультета. Студенты, имеющие к окончанию промежуточной аттестации академическую задолженность по четырем и более дисциплинам <...>, по представлению декана факультета, приказом ректора, отчисляются из Университета.

Представляется, что для целей должностных преступлений не следует вышеперечисленные действия преподавателей считать тем юридическим фактом, который влечет правовые последствия в виде отчисления студента. Если следовать подобной логике, можно придавать правовое значение и другим действиям преподавателей, например, выставлению оценок за контрольные работы, выставлению отметок о пропуске студентом занятия в журнал учета посещаемости (что может влечь обязанность студента «отработать» пропущенное занятие). Аналогичным образом можно привлекать к ответственности и старост учебных групп, так как они согласно внутренним актам учебного заведения обязаны вести учет посещаемости студентов. При наборе студентом определенного количества пропусков занятий без уважительных причин для него наступают неблагоприятные последствия в виде обязанности явиться на воспитательную беседу с лицами, ответственными за учебный процесс, а также в виде наложения различных мер дисциплинарного взыскания и так далее. Разнообразие таких фактов огромно, однако это не значит, что каждое подобное действие влечет юридически значимые последствия. Как обоснованно

отмечает В. Ф. Лапшин, пересдача зачета или экзамена является разновидностью учебного процесса, и выставленная неудовлетворительная оценка признается основанием для повторной пересдачи, но никак не влияет на правовой статус обучающегося и не меняет общий учебный процесс вуза⁶.

Другая ситуация складывается при проведении итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений и вступительных экзаменов по приему абитуриентов. В обоих этих случаях решение преподавателя или комиссии преподавателей является окончательным, без возможности пересдачи в текущем учебном году и не требует вынесения специальных актов от имени руководства учебного заведения⁷. В таких ситуациях действия преподавателя являются юридически значимыми и напрямую влекут правовые последствия.

Таким образом, несмотря на широкое толкование понятия должностного лица, которое дает Верховный Суд РФ, судам следует внимательнее относиться к вопросу о привлечении преподавателей учебных заведений, не являющихся членами государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии, к уголовной ответственности за совершение действий, которые однозначно безнравственны, но формально не содержат в себе всех признаков состава должностного преступления. Нельзя забывать, что целью установления уголовной ответственности должностных лиц является наказание виновных, которые своими действиями действительно причинили вред интересам государственной власти, государственной и муниципальной службы, а вовсе не подведение под законодательную формулу всех мнимо похожих ситуаций.

⁵ Положение «О текущем контроле и промежуточной аттестации знаний студентов, обучающихся по направлению подготовки (специальностям) высшего образования» ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (утв. приказом ректора ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» от 19.12.2014 г. № 486) // URL: http://www.nc-raj.ru/netcat_files/File/polozhenie%20o%20tekuschem%20kontrolle%20i%20promezhutochnoy%20attestatsii%20studentov.pdf.

⁶ См.: Лапшин В. Ф. Преподаватель как субъект получения взятки // Российское правосудие. 2012. № 5 (73). С. 89.

⁷ См.: Там же.

ОБОСНОВАННЫЙ РИСК КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Черепнова Ю. В.

Российский государственный университет правосудия,
студентка 2 курса

Движение вперед немислимо без познания новых горизонтов. В современной России темпы научно-технического прогресса набирают обороты, становясь на все более прочные рельсы. С усложнением профессиональной деятельности усложняются и методики работы, и подходы к той или иной деятельности — вся система взаимоотношений в профессиональной сфере. В этой связи профессиональный риск приобретает актуальность и необходимость в законодательном закреплении, а главное, — в правильном его понимании.

Легальное признание обоснованного риска было впервые осуществлено в действующем Уголовном кодексе РФ¹ (далее — УК РФ), несмотря на то, что изучение института риска и попытки его регламентации были предложены еще в шестидесятые годы XX века ученым, внесшим большой научный вклад в теорию производственного риска еще в советской России, — М. С. Гринбергом. К сожалению, норма об обоснованном риске в статьях УК РФ, не имеет дефинитивного содержания. В теории уголовного права встречаются различные определения понятия «обоснованный риск». Приведем некоторые из них.

А. В. Бриллиантов утверждает, что риск — это такое деяние, которое может привести к неблагоприятному исходу, причинению вреда, но рискующий надеется на исход позитивный, на достижение требуемого результата².

По мнению А. И. Рарога, обоснованный риск представляет собой причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам личности, общества, государства, если при этом лицо действовало для достижения общественно полезной цели³.

М. С. Гринберг определяет риск как правомерное создание опасности в целях достижения общественно полезного производственного результата, который не может быть получен обычными, нерискованными средствами⁴.

Анализируя приведенные определения, обратим внимание на то, что все они содержат некие схожие характеристики понятия «риск», которые можно объединить в признаки.

Поведение лица выражено в *деянии*, которое в уголовно-правовом смысле образует ядро объективной стороны преступления. Это говорит о том, что обоснованный риск охватывает случаи, когда действие лица внешне схоже с преступлением, имеет признаки определенного состава, зафиксированного в Особенной части УК РФ.

Как указано во всех трех определениях, одной из важнейших черт риска является причинение вреда. Данное свойство обоснованного риска говорит о том, что отрасль уголовного права имеет в арсенале методов воздействия управомочивающие нормы. В то же время некоторыми учеными в таком явлении, как обоснованный риск, были найдены расхождения между общей теорией права

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. В. Бриллиантова. Т. 1. М., 2015. С. 103.

³ См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. А. И. Рарога. М., 1997. С. 203.

⁴ См.: Гринберг М. С. Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963. С. 138.

и уголовно-правовой доктриной. Поскольку право призвано охранять, защищать личность, общество и государство от противоправных посягательств, постольку оно создает механизмы защиты, чтобы такие посягательства пресечь, не допустить причинения вреда. Однако обоснованный риск является тем самым исключением из правил. В его основе лежит именно факт причинения вреда правоохраняемым интересам. Если действия лица не посягают на наиболее важные общественные отношения, то они не являются обоснованным риском. Так, иногда утверждается, что логика риска состоит в устранении опасности для общества путем создания угрозы этому обществу. По уголовно-правовому смыслу риск является правомерным, если он обоснован.

В таком случае любое обоснованное деяние может быть правомерным? Нет, несмотря на то, что понимается обоснованность довольно субъективно, что необходимо рассмотреть более детально, законодатель установил некоторые пределы, при превышении которых деяние будет признано необоснованным. Это является еще одним признаком обоснованного риска, который закреплен в ч. 3 ст. 41 УК РФ. К таким условиям относятся угроза для жизни многих людей, угроза экологической катастрофы и общественного бедствия.

Следующим признаком является специальная цель, обуславливающая правомерность действий лица, наносящих ущерб обществу. В части 1 ст. 41 УК РФ данная цель характеризуется как общественно полезная. Она адекватна, когда причиняемый вред имеет меньшую степень значимости, чем получаемый результат. Также важным дополнением является то, что такая цель не может быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием). Эта оговорка важна постольку, поскольку при наличии альтернативных вариантов достижения цели, хотя бы один из которых является безопасным, не связанным с риском, лицо должно выбрать этот вариант. В противном случае, если лицо выбирает наиболее короткий, но опасный путь, поступая вопреки

нормам УК РФ, то оно подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

Говоря об обоснованном риске, можно выделять некоторые его разновидности: профессиональный риск, хозяйственный риск, риск из предотвращения вреда, медицинский или врачебный риск, военный риск и др.

Подробнее рассмотрим такой вид риска, как иницируемый риск. Из выделенных нами выше признаков обоснованного риска можно сделать вывод, что его субъектом может быть любое лицо. Необходимо наличие общественно полезной цели. Также деяние должно содержать признаки состава преступления, но таковым не являться в силу отсутствия признаков самого преступления⁵. Субъект риска ставит под угрозу общественные интересы или причиняет ущерб общественным отношениям и одновременно предпринимает должные меры для предотвращения вредных последствий. Только в этом случае можно говорить об обоснованном риске.

Иницируемым риском следует считать такой риск, при котором субъект самостоятельно, добровольно создает ситуацию опасности для достижения общественно полезной цели. Такой вид риска можно проиллюстрировать на примере медицинских экспериментов или операций, различных мероприятий по осуществлению модернизации старых технологических систем. Таким образом, риск здесь выступает как та возможность, с помощью которой можно достичь реально необходимого результата коротким путем.

Рассматривая риск, мы несомненно сталкиваемся с такими сложностями, как отсутствие единой дефиниции данного понятия, наличие в статьях УК РФ оценочных признаков, отсутствие судебной практики по делам данной категории.

По-нашему мнению, следует незамедлительно решать проблему с пробельностью уголовного закона. О важности данного вопроса также свидетельствует нечеткое разграничение на практике крайней необходимости и обоснованного риска, как обстоятельств,

⁵ Нельзя в данной связи говорить о полном совпадении признаков состава преступления с совершаемым деянием. Скорее, речь идет об обобщенном и внешнем сходстве с преступлением, что дает некоторое сходство признаков объекта, объективной стороны и субъекта с совершаемым деянием.

исключающих преступность деяния в каждом конкретном случае. Проблематика отсутствия дефиниций — острая, не только в данном вопросе, но и в целом в праве. Мы можем предложить законодателю сформулировать и включить официальное определение, например, в начало гл. 8 УК РФ (по аналогии с гл. 33 УК РФ, которая начинается с нормы «Понятие преступления против военной службы»). Возможно, при формировании цельного определения обстоятельств, при которых преступность деяния исключается, будут в общем поняты признаки таковых. Дальнейшие отличительные черты того или иного деяния будут отражены в отдельных статьях УК РФ, что поспособствует их единообразному пониманию и применению.

Существование в статье об обоснованном риске оценочных понятий «общественно полезная цель», «достаточные меры» усложняет понимание данной категории в целом. Также возникает вопрос о том, чем субъект риска должен руководствоваться при оценке своих сил или квалификации для предотвращения возможного вреда, и как в экстремальной ситуации ему удастся спрогнозировать величину возможного вреда и надлежащим образом подготовиться к его устранению. К тому же, кто будет судить о том, что меры, предпринятые субъектом в данном случае, были достаточны?⁶ Некоторыми учеными высказывается мнение, согласно которому для признания риска правомерным необходимо обладание лицом высокими профессиональными качествами и знаниями в определенной сфере. Такой позиции придерживается, в частности, С. Г. Келина, считающая, что, пренебрегая устаревшими правилами и нормами, лицо, обязательно обладающее глубокой профессиональной грамотностью, осуществляет право на обоснованный риск. Мотивировка такой позиции оправдана тем, что именно специалисты различных областей могут, во-первых, применить опыт работы с теми

или иными технологиями при разработке новых, а во-вторых, с большей вероятностью продуктивно предотвратить причиненный обществу вред. Однако уголовным законом не ограничена сфера применения риска и перечень лиц, которые могут к нему прибегнуть.

Конечно, наполнить смысл оценочных понятий можно и на правоприменительном уровне, но в уголовном праве важно, чтобы различные элементы его системы были уяснены однообразно, дабы не допустить расширительного толкования и не породить все вытекающие из этого последствия.

Правовой смысл оценочных понятий и сущность самой категории «риск» важно изучать с помощью историко-политического толкования, в неразрывном единстве с историческими и техническими предпосылками развития России в период включения нормы в УК РФ. Нужно уяснить, для чего была принята данная норма, что послужило причиной, по которой тема риска стала актуальной, а главное, в какой сфере и в каких деталях был усмотрен тот самый риск в понимании законодателей 90-х годов XX века.

Резюмируя изложенное, отметим, что тема обоснованного риска крайне важна в уголовно-правовой науке. Как заметил М. С. Гринберг, сегодня наблюдается излишняя увлеченность идеей риска и соответственно необоснованное обращение к нему. С уверенностью можно утверждать, что два явления потрясают научно-техническую сферу жизни нашего общества — техническое невежество и легкомысленный, безудержный риск в рамках экономии на охранительной, страхующей функции действия. Это делает особенно важным изучение природы, сути и условий правомерного риска⁷. Важным компонентом решения обозначенных проблем, как видится, могло бы стать ограничение на уровне закона содержания такого оценочного понятия, как обоснованный риск, .

⁶ Вопрос больше риторический, однако лицо в ситуации риска само принимает решение о методах устранения вреда. Даже если, по его мнению, были предприняты все возможные меры, суд может счесть их все же недостаточными, что также вызывает прямо вытекающий вопрос о неопределенности хотя бы ориентира для выбора мер, предотвращающих вред.

⁷ См.: Гринберг М. С. Оправданный профессиональный и хозяйственный риск // Вестник Омского университета. 2012. № 1 (63). С. 386.

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ (СТ. 159⁶ УК РФ) КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ФОРМА ХИЩЕНИЯ

Эткина А. Д.

Российский государственный университет правосудия,
студентка 4 курса

В 1989 г. Кабинет министров Совета Европы предписал странам-участницам имплементировать в национальное уголовное законодательство ряд норм, устанавливающих уголовную ответственность за деяния, совершенных с помощью компьютера. Одним из таких преступлений является компьютерное мошенничество, под которым в соответствии с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы о преступлениях, связанных с компьютером от 13.11.1989 г. № R89 (9)¹ (далее — Рекомендация Комитета министров) понимается введение, изменение, стирание или подавление компьютерных данных или компьютерных программ, или иное вмешательство в процесс обработки данных, что причиняет экономический ущерб или приводит к утрате собственности другого лица, с намерением получить незаконным путем экономическую выгоду для себя или для другого лица.

Федеральным законом от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² уголовный закон дополнен ст. 159⁶ УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации». Данный состав ошибочно понимается как привилегированный по отношению к ст. 159 УК РФ³. Однако

это не соответствует действительности. При этом ст. 159⁶ УК РФ практически идентична норме, закрепленной в Рекомендациях Комитета министров.

Часть 1 ст. 159⁶ УК РФ закрепляет, что под мошенничеством в сфере компьютерной информации следует понимать хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. В данном определении нет такого способа совершения преступления, как обман или злоупотребление доверием, который является обязательным для «обычного» мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Основной и привилегированный составы являются общей и специальной нормами, поэтому они должны различаться только объемом регулирования, в то время как данные нормы закрепляют в том числе и различные способы совершения преступления. Сказанное подтверждается абз. 2 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве,

¹ Рекомендация Комитета министров Совета Европы о преступлениях, связанных с компьютером, от 13.11.1989 г. № R89 (9). Документ опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 3 декабря.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

присвоении и растрате», из которого следует, что в случаях, когда хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», то такое мошенничество следует квалифицировать по ст. 159, а не по ст. 159⁶ УК РФ⁴. Данное положение свидетельствует о том, что указанные нормы различаются не только объемом регулирования, но и описанием объективной стороны преступления.

Также следует подчеркнуть, что термин «заведомо ложные сведения» неприменим к IT-сфере. В данном случае корректнее говорить о сведениях, которые не имеют нужного набора атрибутирующих тегов или об использовании информационной системы, у которой умышленно изменена атрибутика (например, вход в онлайн банк не под логином и паролем надлежащего пользователя, а с помощью обхода систем защиты). Компьютерной программе невозможно предоставить заведомо ложные сведения, потому что для нее не имеет значения, с помощью чего авторизовался человек (методом введения логина и пароля надлежащего пользователя или «обойдя» системы защиты).

Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ в ряде своих определений отметил, что гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности» была дополнена нормами, дифференцирующими уголовную ответственность за мошенничество (ст. 159¹–159⁶ УК РФ), однако это не означало криминализацию каких-либо деяний, не подпадающих под действие ст. 159 УК РФ, которая охватывает все случаи хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество

путем обмана или злоупотребления доверием⁵. Из приведенной правовой позиции Конституционного Суда РФ следует, что несмотря на появление новых норм в гл. 21 УК РФ, объем регулирования не должен был измениться. При этом данное утверждение является верным только для ст. 159¹–159⁵ УК РФ, которые являются привилегированными составами по отношению к ст. 159 УК РФ. Статья 159⁶ УК РФ образует новую форму хищения, так как отличается от всех остальных способом его совершения.

Эта позиция поддерживается в том числе и судебной практикой. Например, по одному из дел было указано, что содержание диспозиции ст. 159⁶ УК РФ содержит пять особенностей:

1) преступление, предусмотренное данной нормой, совершается не путем обмана или злоупотребления доверием конкретного субъекта, как в составе мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ, а путем получения доступа к компьютерной системе. Подобные действия охватывают не контакты человека с человеком (злоумышленника с потерпевшим или его представителем), а взаимоотношения человека с компьютером посредством использования специально разработанных программ;

2) по статье 159⁶ УК РФ хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество не сопряжено с добровольной передачей потерпевшим права на имущество злоумышленнику, субъект завладевает им в тайне от потерпевшего;

3) хищение в сфере компьютерной информации, в отличие от кражи, имеет предметом безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, иное право на чужое имущество;

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. 11 декабря.

⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 г. № 1431-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фоминой Натальи Александровны на нарушение ее конституционных прав статьей 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 г. № 1095-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Механиковой Татьяны Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс».

4) субъект расширяет юридически привычный традиционно понимаемый тайный способ совершения деяния, присущий краже, поскольку без ведома потерпевшего совершает вмешательство в компьютерную информацию, манипулируя личной идентифицирующей информацией жертвы, чем нарушает установленный правопорядок в информационном пространстве, обеспечивающий его безопасное использование участниками информационных отношений и выступающий в качестве их дополнительного объекта;

5) преступление, в отличие от традиционной кражи, совершается полностью или частично в виртуальном пространстве. Исходя из смысла, вложенного законодателем в содержание ст. 159⁶ УК РФ, предметом указанной нормы является самостоятельная форма хищения чужого имущества с присущими ей уникальными способами совершения

преступления⁶. Но не любое перемещение информации будет правомерным.

М. А. Простосердов также считает, что ст. 159⁶ УК РФ является самостоятельной формой хищения со специальным способом совершения преступления. Он полагает, что термин «мошенничество» применен некорректно, так как отсутствует конструктивный признак объективной стороны в виде обмана и злоупотребления доверием. Поэтому он предлагает в ст. 159⁶ УК РФ заменить термин «мошенничество» на термин «хищение»⁷, что нам представляется обоснованным.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что ст. 159⁶ УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» не является привилегированным составом по отношению к ст. 159 УК РФ «Мошенничество». Напротив, эта статья принята во исполнение Рекомендации Комитета министров для целей борьбы с киберпреступностью.

⁶ См.: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 14.11.2016 г. по делу № 22–9276/2016. Документ опубликован не был. Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Простосердов М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве. М., 2017. С. 58.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕКОТОРЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Юрловская А. А.

Российский государственный университет правосудия,
студентка 3 курса

Нормы действующего уголовного закона, призванные охранять половую неприкосновенность несовершеннолетних, их нормальное психическое, физическое, нравственное развитие, в том числе от развратных действий, достаточно дискуссионные и неоднозначные, что находит своё отражение в научной литературе.

Однако несмотря на внесенные законодателем изменения в УК РФ, ряд проблем в наше время так и остался не разрешенным.

Одной из проблем является отсутствие в законе легального определения термина «развратные действия», а также отсутствие дифференциации таких действий в зависимости от форм и видов их проявлений. В связи с этим у правоприменителя возникают проблемы с разграничением смежных составов преступлений.

В пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»¹ указывается, что развратные действия — это «любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста,

но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. Развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей». Однако И. В. Пантюхина справедливо отмечает, что содержание развратных действий Пленум Верховного Суда РФ не раскрыл².

В силу многообразия форм развратных действий раскрыть все их проявления в рамках уголовно-правовой дефиниции является излишним. Более того, одного лишь легального определения развратных действий для их содержательного толкования недостаточно. Уяснить содержание развратных действий помогает их дифференциация, которая законодателем игнорируется.

В доктрине уголовного права традиционно развратные действия делятся на физические и интеллектуальные. Однако если оценивать

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 2014. 12 декабря.

² См.: Пантюхина И. В. О толковании развратных действий Верховным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения — 2015. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 240.

некоторые вопросы квалификации с точки зрения законности и справедливости, то возникают вопросы относительно правильности сформулированных законодателем конструкций.

Обратимся к примечанию к ст. 131 УК РФ, где сказано, что к преступлению, предусмотренному п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, относится деяние, подпадающее под признаки преступления, предусмотренного ч. 2–4 ст. 135 УК РФ, совершенное в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

Правильной и логичной представляется квалификация по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ совершение физических развратных действий, к которым по действующему УК РФ относятся все иные действия сексуального характера, помимо полового сношения, мужеложства или лесбиянства, в отношении лица, не достигшего 12 лет. Однако решение законодателя о квалификации развратных действий интеллектуального характера в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, также по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ вызывает сомнение в его правильности, так как степень общественной опасности при насильственных действиях сексуального характера выше, чем при ненасильственных развратных действиях интеллектуального характера.

Приведем пример из судебной практики.

Решением суда М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Из материалов дела следует, что М. в конце 2012 г. познакомился с десятилетней жительницей г. Казани и вступил с ней в интернет-переписку. В процессе общения он направлял девочке текстовые, графические, фото- и видеофайлы порнографического содержания, оказывая тем самым психологическое воздействие,

направленное на побуждение малолетней к совершению сексуальных действий³.

Проанализировав данный пример, вряд ли можно признать одинаково общественно опасным совершение насильственных действий сексуального характера (насильственный не естественный половой акт, использование предметов и другие насильственные действия в рамках ст. 132 УК РФ) и развратные действия, которые были выражены в направлении порнографических материалов через сеть «Интернет».

С данной точкой зрения соглашаются А. А. Чугунов и А. А. Морозова. По их мнению: «Данное положение УК РФ, по нашему мнению, является спорным... Нельзя ставить знак равенства между насильственным половым актом или половым актом с использованием беспомощного состояния и понуждением к половому сношению, хотя и с лицом, не достигшим 12-летнего возраста... Кроме того, это же примечание рекомендует так же квалифицировать и развратные действия, совершенные в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста. То есть законодатель считает тождественными с точки зрения квалификации изнасилование лица, не достигшего 12-летнего возраста, и развратные действия (например, демонстрацию половых органов публично), при которых присутствовало лицо, не достигшее возраста 12 лет. Безусловно, это преступное поведение, и оно требует адекватной юридической оценки, но отождествление этих составов, по нашему мнению, недопустимо»⁴.

Другие авторы, А. А. Гребеньков, А. А. Байбарин также считают, что примечание к ст. 131 УК РФ нарушает принцип законности, так как оно требует квалифицировать по ст. 131 и 132 УК РФ бесконтактные развратные действия, которые не охватываются их объективной стороной, что прямо противоречит принципу запрета применения уголовного закона по аналогии⁵.

³ См.: Приговор Московского городского суда от 18.02.2014 г. Дело № 2–0011/2014 // URL: <http://mos-gorsud.ru/>.

⁴ Чугунов А. А. Особенности квалификации насильственных действий сексуального характера // Современное право. 2016. № 6. С. 96–99.

⁵ См.: Гребеньков А. А., Байбарин А. А. Проблемы квалификации ненасильственных сексуальных посягательств на лиц в возрасте до 12 лет // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2013. № 4. С. 54–61.

Данное правовое противоречие нам представляется правильным решить путем изменения редакции ст. 134 УК РФ, добавив в диспозицию положение «и иные действия сексуального характера».

Основываясь на вышесказанном, предлагаются следующие выводы.

Первое. Привести ч. 2 ст. 134 УК РФ в следующую редакцию:

«2. Мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера (за исключением деяний, предусмотренных ст. 135 УК РФ) с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, — ».

Второе. Исключить из примечания к ст. 131 УК РФ положения в части ст. 135 УК РФ и привести в следующую редакцию:

«К преступлениям, предусмотренным пунктом «б» части четвертой настоящей статьи, а также пунктом «б» части четвертой статьи 132 настоящего Кодекса, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями третьей — пятой статьи 134 настоящего Кодекса, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий».

Третье. Назрела необходимость в легальном разграничении терминов «действия сексуального характера» и «развратные действия». Однако данная проблема заслуживает самостоятельного исследования.

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА РГУП

Кафедра уголовного права была образована в 1998 году одновременно с созданием Российской академии правосудия (ныне — Российский государственный университет правосудия). В 2000 году для работы на кафедре были приглашены такие видные специалисты в области уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии, как д-р юрид. наук, профессор Павел Сергеевич Яни, д-р юрид. наук, профессор Михаил Александрович Кауфман, д-р юрид. наук, профессор Геннадий Федорович Хохряков, д-р юрид. наук, профессор Геннадий Николаевич Борзенков, а также Станислав Александрович Разумов (судья Верховного Суда РФ, председатель состава), Анатолий Егорович Меркушов (заместитель председателя Верховного Суда РФ, председатель Судебной коллегии по уголовным делам). Первым заведующим кафедрой был д-р юрид. наук, профессор Сергей Михайлович Иншаков.

С октября 2001 года и по настоящий момент кафедру возглавляет д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ Александр Владимирович Бриллиантов, который внес большой личный вклад в становление, формирование и развитие кафедры. А. В. Бриллиантов — один из разработчиков Уголовно-исполнительного кодекса РФ. В составе рабочей группы принимал участие в разработке Уголовного кодекса Российской Федерации, а также целого ряда законопроектов о внесении изменений и дополнений в УК РФ. Является членом диссертационного совета Российского государственного университета правосудия, членом Ученого совета, членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ. Активно работает в редколлегии журнала «Уголовное право». Приоритетными сферами научных исследований А. В. Бриллиантова являются вопросы уголовного и уголовно-исполнительного права. Опубликовал более 300 научных трудов, среди которых монографии, учебные пособия, комментарии и учебники по уголовному и уголовно-исполнительному праву.

Кафедра уголовного права РГУП, 2003 год

Продолжая работу по укреплению штатного состава кафедры, А. В. Бриллиантов приглашает на работу специалистов в области уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии: д-ра юрид. наук, профессора С. И. Курганова, канд. юрид. наук, доцента А. Н. Караханова, канд. юрид. наук, доцента Н. Р. Косевича, канд. юрид. наук, доцента Е. В. Пейсикову (в настоящее время судья Верховного Суда РФ), д-ра юрид. наук, профессора Ю. Е. Пудовочкина, д-ра юрид. наук, профессора А. А. Арямова, канд. юрид. наук, доцента И. А. Клепицкого (во время работы на кафедре им была успешно защищена докторская диссертация на тему: «Система норм о хозяйственных преступлениях: основные тенденции развития»), канд. юрид. наук, доцента Г. Д. Долженкову, канд. юрид. наук, доцента Е. Ю. Четвертакову, канд. юрид. наук, доцента И. Б. Колчевского, канд. юрид. наук, доцента В. Г. Баяхчева.

С 2001 года на кафедре бессменно работает специалист по учебной работе С. А. Жигалова.

В разные годы на кафедре работали также д-р юрид. наук, профессор А. П. Дьяченко, канд. юрид. наук, доцент Г. А. Стеничкин, канд. юрид. наук А. Ю. Захаров, канд. юрид. наук Г. А. Русанов, д-р юрид. наук, профессор Н. И. Крюкова, канд. юрид. наук, доцент А. Ю. Решетников, д-р юрид. наук, профессор Ю. В. Трунцевский, канд. юрид. наук О. А. Мотин.

С февраля 2012 г. и до осени 2013 г. обязанности заведующего кафедрой были возложены на д-ра юрид. наук, профессора Юрия Евгеньевича Пудовочкина. В это время была организована и успешно проведена Первая Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона», (ставшая впоследствии ежегодной), открыта кафедральная магистерская программа «Юрист в сфере уголовного судопроизводства». Ю.Е. Пудовочкин принимает активное участие в экспертной и общественной деятельности. Является членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ; членом секции уголовного права и криминологии Учебно-методического объединения по юридическому образованию высших учебных заведений РФ; членом Экспертного совета Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по безопасности и противодействию коррупции (секция №5). Состоит членом редакционной коллегии журналов «Российское правосудие», «Библиотека криминалиста. Научный журнал», «Библиотека уголовного права и криминологии», «Общество и право». Сфера профессиональных научных интересов включает проблемы общей теории уголовного права и криминологии; социальный и криминологический

анализ проблем предупреждения преступных посягательств на несовершеннолетних и подростковой преступности; проблемы уголовной политики и уголовного правотворчества. Ю.Е. Пудовочкин — автор более 200 научных и учебно-методических работ, среди которых 17 монографий. Ю.Е. Пудовочкин является членом трех диссертационных советов.

Сегодня кафедра уголовного права — одна из профилирующих кафедр Российского государственного университета правосудия. Она обеспечивает подготовку студентов по трем базовым дисциплинам учебного плана: уголовному праву, уголовно-исполнительному праву и криминологии, а также по более чем двадцати дисциплинам, преподаваемым на уровне бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры.

Уголовное право — одна из фундаментальных дисциплин в вузах юридического профиля. Без глубокого и прочного знания уголовного права не может быть профессионально полноценного юриста. Это объясняется важной ролью уголовного права в регулировании и защите общественных отношений, его особым местом среди юридических дисциплин, органичным взаимодействием уголовного права с другими отраслями права. Уголовное право лежит в основе деятельности судебных и правоохранительных органов

*А. В. Бриллиантов,
2003 год*

*Ю. Е. Пудовочкин,
2013 год*

С. И. Курганов

Кафедра уголовного права РГУП, 2010 год

по защите интересов личности, общества и государства от криминальных угроз, а также предупреждению преступности, которая относится к числу серьезных дестабилизирующих факторов, тормозящих укрепление демократии и законности.

Уголовно-исполнительное законодательство призвано регулировать отношения в сфере исполнения уголовных наказаний, порядок и условия отбывания всех видов наказаний, а также освобождения от отбывания наказаний. Именно от эффективного исполнения уголовных наказаний во многом зависит состояние правопорядка в стране.

И, наконец, нельзя недооценивать важность науки криминологии в противодействии преступности. Именно эта наука позволяет получить необходимые сведения о личности преступника, детерминантах преступности и ее последствиях, разработать действенные меры предупреждения преступности.

Таким образом, все три названные дисциплины играют ведущую роль в реализации государственной политики противодействия преступности во всех ее проявлениях. Именно эти дисциплины и являются основным предметом преподавания и объектом научного исследования кафедры уголовного права.

В настоящее время кафедрой решается значительное число задач различного уровня и характера.

В этом аспекте, прежде всего, следует отметить учебную и методическую работу кафедры, которая является основным видом ее деятельности. Преподавательская работа по подготовке студентов ведется на всех факультетах

РГУП. Большое место в преподавательской деятельности отводится преподаванию на факультетах повышения квалификации судей. Перед судьями выступают преподаватели, обладающие большим опытом практической работы в судебных и (или) правоохранительных органах, а также опытом научно-исследовательской и педагогической работы.

Профессорско-преподавательский состав кафедры активно занимается научной деятельностью. Ежегодно сотрудниками кафедры готовится большое число научных публикаций, в том числе монографий, научно-практических пособий, статей. Ведется работа в научных студенческих кружках, а также в студенческой юридической клинике. Кафедра организует и проводит ежегодные научные конференции РГУП для студентов и аспирантов, научных, педагогических и практических работников. По результатам научных собраний выпускаются материалы конференций и семинаров. Авторским коллективом кафедры подготовлены учебник по уголовному праву, уголовно-исполнительному праву, комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, ряд монографий по актуальным вопросам уголовно-правовой науки, криминологии, уголовной политике. Профессорско-преподавательский состав кафедры принимает активное участие в подготовке и экспертизе проектов законодательных актов, проектов постановлений Пленума Верховного Суда РФ, участвуя в составе соответствующих рабочих групп, Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ.

Коллектив кафедры — это сплоченный и творческий союз профессионалов и единомышленников, каждый из которых вносит свой личный вклад в общее дело развития науки и образования в стране.

Кафедра сильна своими традициями, которые поддерживаются и развиваются молодым поколением юристов, с которыми мы уверенно смотрим в будущее.

**Материал подготовила
специалист по учебной работе
кафедры уголовного права РГУП
Жигалова С. А.**

РАБОТА НАУЧНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО КРУЖКА КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА РГУП

Научный студенческий кружок кафедры уголовного права РГУП является одной из факультативных внеучебных форм научной активности студентов. Работа на заседаниях научного студенческого кружка позволяет интересующимся студентам получить углублённые знания по проблемам уголовного права и повысить уровень своей профессиональной подготовки.

На сегодняшний день почти два учебных года работой научного студенческого кружка руководит кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права РГУП Дорогин Дмитрий Александрович. Старостой научного студенческого кружка является студентка 4 курса, заместитель председателя СНО РГУП по научной работе Эткина Алиса Дмитриевна.

В работе научного студенческого кружка принимают участие студенты 2, 3 и 4 курсов. Заседания проходят с примерной частотой раз в две недели в течение обоих семестров учебного года. Всего за семестр проводится 8 заседаний. С учётом различия в расписании учебных занятий 2 и 3 курса тематика заседаний и время их проведения чередуются в зависимости от приоритетной целевой аудитории. При этом со студентами 2 курса обсуждаются проблемы Общей части, а со студентами 3 курса — проблемы Особенной части уголовного права. При наличии возможности и желания допускается и поощряется посещение студентами разных курсов всех заседаний научного студенческого кружка. Студенты 4 курса посещают заседания для 2 и 3 курсов в целях повторения пройденного материала, также для них проводятся отдельные заседания по актуальным проблемам уголовного права с учётом уровня их подготовки.

Среди проблем, к которым обращаются студенты в рамках работы научного студенческого кружка, необходимо выделить,

в частности, следующие: уголовно-правовая юрисдикция, субъективная ошибка, прикосновенность к преступлению, обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, уголовно-правовая охрана жизни и здоровья, преступления, связанные с незаконным оборотом запрещённых предметов, преступления коррупционной направленности, транснациональные преступления, современная российская уголовная политика.

Заседания научного студенческого кружка проводятся в различных форматах, применяются нестандартные подходы к организации научной работы студентов. Ключевое условие участия в работе научного студенческого кружка — надлежащая мотивация и наличие базовых знаний, приобретённых в рамках штатных учебных занятий.

Можно назвать следующие примеры форматов работы научного студенческого кружка: дискуссия в группах, решение задач (кейсов), игра в командах, представление собственного видения проблемы, «живое» решение, визит эксперта, научный «баттл», модель заседания Конституционного Суда РФ, модель обсуждения проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также парламентские дебаты, «круглый стол» и уголовно-правовой марафон.

В качестве приглашённых гостей на заседаниях научного студенческого кружка перед студентами выступали: эксперт, магистр юриспруденции, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), эксперт АНО «СОДЭКС МГЮА имени О. Е. Кутафина» Бодров Николай Филиппович, а также помощник Балашихинского городского прокурора Московской области, юрист 2 класса Грушевская Алла Александровна.

Необходимо отметить, что важной чертой научного студенческого кружка является его позиционируемая научная направленность. Заседания проводятся не только для закрепления пройденного материала и углубления полученных знаний, но и в целях развития студенческой науки. В этой связи студентам предлагаются в том числе формы работы, призванные развивать их исследовательские способности, побуждать их к началу научной деятельности. В частности, каждый студент, регулярно посещающий заседания научного студенческого кружка, выбирает тематику индивидуального научного исследования, проводит таковое в течение определённого периода времени, а в последующем апробирует его результаты в рамках работы научного студенческого кружка, а также на иных студенческих научных мероприятиях, включая внешние.

Ещё одной особенностью организации работы научного студенческого кружка является наличие виртуального сопровождения — группы в социальной сети «ВКонтакте» (https://vk.com/rgup_criminallaw_circle). В данной группе осуществляются иные

формы работы: проводятся опросы по проблемам уголовного права, предлагаются материалы для изучения и написания эссе, а также выкладываются задания и источники для подготовки к будущим заседаниям научного студенческого кружка, размещаются объявления о проводимых научных мероприятиях, информация организационного характера и другое.

Важным достижением работы научного студенческого кружка является то, что посещающие его наиболее активные студенты написали по результатам своих научных исследований статьи, опубликованные в специальном выпуске студенческого научного журнала «Фемида. Science». Предполагается, что эти работы будут представлены в виде докладов на итоговом в данном учебном году заседании научного студенческого кружка, которое будет проведено в формате круглого стола.

**Материал подготовила
студентка 4 курса РГУП
Эткина А. Д.**

ОБЗОР СОВМЕСТНЫХ КРУГЛЫХ СТОЛОВ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА РГУП

Наряду с работой научного студенческого кружка важной формой научной активности студентов являются «круглые столы», проводимые совместно кафедрой уголовного права и студенческим научным обществом РГУП. В рамках данных «круглых столов» студенты могут выступить с докладами, поучаствовать в научных дискуссиях со своими коллегами и обсудить сложные вопросы по какой-либо актуальной проблеме.

Всего за 2016–2017, а также 2017–2018 учебные годы было проведено четыре «круглых стола» по уголовному праву. В них принимали участие студенты 2, 3 и 4 курсов очного юридического факультета, включая студентов направления подготовки «Судебная экспертиза», а в отдельных случаях также студенты магистратуры и аспиранты.

5 декабря 2016 г. состоялся студенческий научно-практический «круглый стол» на тему: «Проблемы соучастия в преступлении». Были заслушаны следующие доклады: «Современное противодействие легализации доходов, полученных преступным путём, в РФ» (С. И. Мамедгасанов, 4 курс); «Преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия в преступлении» (С. А. Кузин, 3 курс); «Проблемы квалификации преступлений против военной службы, совершённых в соучастии гражданским лицом» (А. Д. Эткина, 3 курс) и другие.

9 декабря 2016 г. состоялся студенческий научно-практический «круглый стол» на тему: «Проблемы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности». Были заслушаны следующие доклады: «Проблемы квалификации посягательств на тело человека после его смерти» (О. С. Заливохина, 3 курс); «Правовые аспекты преступлений, связанных с детской

порнографией» (С. А. Кузин, 3 курс); «Разграничение преступлений, предусмотренных ст. 127.1 и 240 УК РФ» (А. Д. Эткина, 3 курс); «Проблемы уголовно-правового противодействия жестокому обращению с животными» (М. И. Агаева, 2 курс). С внеконкурсным докладом на тему: «Особенности судебной практики по делам, связанным с незаконным оборотом порнографических материалов» выступила аспирантка кафедры уголовного права М. О. Ноженко.

28 апреля 2017 г. состоялся студенческий научно-практический «круглый стол» на тему: «Проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия». Были заслушаны следующие доклады: «Фальсификация доказательств и результатов ОРД (ст. 303 УК РФ)» (М. В. Азванов, 3 курс); «Проблемы уголовной ответственности за дачу экспертом заведомо ложного заключения» (О. С. Заливохина, 3 курс); «Посягательство на внутреннее убеждение судьи как форма вмешательства в деятельность суда» (К. М. Колосов, 1 курс магистратуры); «Проблемы квалификации заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ)» (Б. И. Неня, 3 курс); «Неуважение к суду: проблемы правового регулирования» (Т. Э. Ондар, 3 курс); «Проблемы уголовной ответственности за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие (ст. 295 УК РФ)» (А. Д. Эткина, 3 курс); «Прикосновенность к преступлению на примере укрывательства преступления (ст. 316 УК РФ)» (А. А. Юрловская, 2 курс).

29 ноября 2017 г. состоялся студенческий научно-практический «круглый стол» на тему: «Проблемы уголовной ответственности за киберпреступления». Были заслушаны следующие доклады: «Криптовалюта как предмет хищения» (М. Р. Далгатов,

3 курс); «Уголовная ответственность за создание, распространение и использование вредоносных компьютерных программ» (Т. Э. Ондар, 4 курс); «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, сопряжённое с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» (К. В. Чугунов, 3 курс); «К вопросу об определении места совершения киберпреступления» (А. Д. Эткина, 4 курс); «Уголовная ответственность за неосторожное цитирование в сети Интернет, или Уголовная ответственность за «репост» (ст. 280, 280.1, 282 УК РФ)» (А. А. Юрловская, 3 курс).

Некоторые работы, представленные на «круглых столах», были в последующем опубликованы в журнале «Фемида. Science».

От кафедры уголовного права РГУП работой «круглых столов» обычно руководят кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Дорогин Дмитрий Александрович, а также кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Простосердов Михаил Александрович.

Обычно работа «круглого стола» проходит в дружеской атмосфере. На каждом круглом столе возникали интересные дискуссии по актуальным проблемам уголовного права. Хочется выразить надежду, что так будет продолжаться и впредь.

**Материал подготовила
студентка 4 курса РГУП
Эткина А. Д.**